

Он может
стоять ей
намного
больше, чем ее
работа.

ПРИНЦ ПРЕССЫ

СИЛОВАЯ ИГРА
СЕЛЕНА ЛОУРЕНС

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ И НЕ ТОЛЬКО

Annotation

Он любимчик средств массовой информации. Известная личность, его называют «принцем прессь». Она правильная девушка, и настолько далека от неприятностей, что ее называют «надежной». Его брат — ее босс, Ее брат — его злейший враг. Противоположности не могут не притягиваться. Принц с напором испытывает свое везение, и это может стоить ей намного больше, чем ее работа. Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+.

Селена Лоуренс

Принц прессы

Серия: Силовая игра- 2

Маркус Эмброуз остановился в фойе офиса своего брата, любясь открывающимся видом.

Ее задница была идеальной округлой формы, облаченная в облегающую юбку, едва прикрывающую самое необходимое. Задница торчала кверху, пока женщина копалась в нижнем ящике большого шкафа с картотекой, рядом с ее столом.

Да, в офисе его брата становилось все интереснее и интереснее с каждой минутой. Он издал длинный, низкий свист, тем самым остановив ее поиски и свой «таможенный досмотр», она медленно повернула голову, выглядывая из-за своих ног, по-прежнему ее голова была наклонена, а волнистые волосы чуть ли не касались пола.

— О! — пропищала она, прежде чем закружилась, выпрямляясь. — Простите, я не слышала звонка поднявшегося лифта.

— Я шел по лестнице, — ответил он, подарив ей легкую улыбку и приближаясь.

Она улыбнулась в ответ, и ее щеки окрасились очаровательным розовым оттенком. Она была вся прелестна — большие голубые глаза, высокие скулы, длинные шелковистые волосы, длинные ноги и фигура.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она, опускаясь за свой стол, и Маркус выругался про себя на этот проклятый громоздкий предмет мебели, который закрывал ее вид. Почему Дерек не приобретет одну из этих современных стеклянных стоек для ресепшн с нержавеющей сталью?

— Мне нужно встретиться с Дерекком, — ответил Маркус, поставив локоть на стойку и опираясь на руку, насколько это было возможно.

Она прочистила горло.

— Могу я ему передать, кто его спрашивает?

— Маркус, — ответил он.

Она подняла трубку и набрала номер, кратко тихо что-то спросила, услышав ответ, повесила трубку.

— У него совещание с сенатором на пять минут, но он сказал, что после тут же встретится с вами. Могу я вам что-нибудь предложить? Чашку кофе или минеральной воды?

Маркус придвинулся ближе, наклонившись к ней, как стрелка компаса, указывающего на север. Он подмигнул блондинке, и она облизнула губы. О да, будет хорошо провести с ней время.

— Как насчет номера вашего телефона? — спросил он.

Мгновение она смотрела на него, словно в голове обрабатывала его запрос, а потом, наконец, расплылась в солнечной улыбке.

— Ты очень хорош, не так ли? — спросила она.

— На самом деле, я очень плох. Хочешь, я тебе покажу?

Она закатила глаза, все еще улыбаясь, поэтому он решил, что она не против.

— Думаю, на второй недели на новой работе вы запросто вовлечете меня в неприятности, — произнесла она.

— На второй недели, да? И как тебе нравится здесь, в офисе «корпорации Вершителя судеб»?

Она посмотрела на него вопросительно.

— Вершителя судеб?!

Маркус рассмеялся.

— Конечно, ты уже слышала его кличку? Он тот, кто дергает за ниточки других, чтобы привести их к власти?

Она кивнула, наконец поняв.

— Ах, да. Со стороны кажется точным описанием мистера Эмброуза, потому что именно это он и делает. И отвечая на ваш вопрос, мне очень нравится здесь... по крайней мере... до сих пор.

Он кивнул и протянул руку над столешницей, чтобы поймать ее пальцы, у нее сбилось дыхание от его жеста и щеки снова оживились.

— Назови мне свое имя, — приказал он. — Хотя я мог бы просто называть тебя Красавицей, и оно бы отлично тебе подходило.

Маркус внимательно присмотрелся к ней. Черт побери, она была сексуальной, и он продолжал поглаживать ее пальцы, думая, что это намного более увлекательно, чем большинство эрогенных зон у других девушек, которых он знал.

Она застенчиво ему улыбнулась.

— Справа на моей табличке, — поддразнила она. — Или вы были так ослеплены моей красотой, что не заметили ее с собой?

Он отпустил ее руку и отступил назад, оглядывая стойку. Конечно, здесь стояла табличка, на которой было написано ее имя — Рене Эриксон. *Рене*. Он несколько раз мысленно повторил ее имя, а потом оно соскочило с его языка, звуча как молитва, а не просто имя.

— Итак, Рене, — сказал он низким голосом. — Я могу получить твой номер? Может мы могли бы пойти куда-нибудь выпить после рабочего дня?

Она осмотрелась вокруг, словно боясь, что его кто-то может услышать.

— Честно? — спросила она исключительно риторически. — Я бы с удовольствием, но девушка, работающая до меня, была уволена за роман с клиентом. Думаю, что встречаться с кем-то, кто как-то связан с компанией, здесь не приветствуется.

Она пожалала плечами, как бы спрашивая: «*Что можно тут поделать?*»

Вот черт. Установка его властного и на самом деле старшего брата помешала его планам.

— Я никому не скажу, клянусь, — заговорщически прошептал он. — Я знаю отличное место, всего в нескольких кварталах отсюда, с затемненными кабинками, где мы сможем спрятаться. Давай. Будет весело.

Он видел ее нерешительность, которая полностью отражалась у нее на лице. Он знал, что это именно тот момент, когда он может сказать, что сделка совершена, но прежде чем он успел открыть рот, ее телефон звякнул, она опустила на него глаза. Выражение ее лица сразу же изменилось, и как только она подняла на него взгляд, он почувствовал, что «нет» уже готово сорваться с ее губ.

— Эй, придурок, — эхом раздался глубокий голос в фойе, Маркус обернулся к своему старшему брату, прямоком шагающему к нему.

— Мне казалось, что мама говорила тебе больше так меня не называть.

— Мама также говорила, что ты не часто ходишь на свидания, — ответил Дерек. — Мы все знаем, что мама ошибалась во многом.

Маркус усмехнулся, как только Дерек остановился перед ним и обнял.

— Ты стал слишком мягкотелым, старик, — сказал Маркус, тыча пальцем в живот Дерека.

— Я встречу с тобой в Spar после работы, и мы потренируемся на ринге, вот тогда и посмотрим, насколько я мягкотелый, — Дерек повернулся к Рене, наблюдавшей за обменом любезностями, огромными глазами.

— Я собираюсь отвести этого самца на ланч, вернусь к трем, позвони ассистенту Мелвилла.

— Так, это ваш брат? — натянуто спросила она. «*Вот черт!*» — подумал Маркус. Ее голос не был похож на голос женщины, которая позднее собиралась испепелить его мир своей страстью.

— Да, когда мне было восемь, у моих родителей наступил момент безумия, в результате появился Маркус.

— Они просто поняли, что могут создать что-то лучшее. Когда производишь такое совершенство разве можно останавливаться? — ответил Маркус, прислонившись бедром к столу Рене.

Дерек фыркнул с насмешкой.

— Ладно, мистер Совершенство, давай, пойдем поедим, и ты мне расскажешь обо всей той лжи, которую заставят тебя произносить WNN^[1] в вечерних новостях.

Маркус ничего не мог с собой поделаться, улыбка сама собой расплылась у него на губах. А Дерек, хотя и не хотел признавать это публично, но был ужасно горд, когда ему позвонил Маркус и сообщил, что его наняли в качестве нового политического корреспондента в международное агентство новостей. Дерек оплачивал учебу Маркуса на факультете журналистики, и Маркус больше всего хотел отплатить ему, став успешным в этой области. Его первая полная рабочая неделя на экране — великий момент, он будет вести репортаж на национальном уровне — приближала его еще на один шаг к успеху.

Маркус взял руку Рене для поцелуя и подмигнул ей, надеясь очаровать ее перед уходом, по крайней мере, оставляя за собой право получить от нее «возможно», если не «да».

— Было очень приятно познакомиться с тобой, — сказал он, прежде чем опустить губы, слегка касаясь ее пальцев. Она пахла лавандой, которая вызвала волну наслаждения по всему его телу.

— Убери свои руки от моей сотрудницы, — зарычал Дерек, толкая Маркуса в плечо и подгоняя его к лифту.

Как они вошли в лифт, Маркус бросил последний взгляд на Рене и почувствовал разочарование, обнаружив, что она даже не смотрела в его сторону. Она схватила телефон и стала бешено стучать по клавиатуре, нахмурившись, в напряжении поджав губы. Это причинило ему боль. Маркус Эмброуз никогда не оставлял женщину нахмурившуюся. Никогда.

Рене стояла рядом с офисным зданием «Эмброуз и Партнеры» и поеживалась. В начале октября в Вашингтоне было свежо, а она не захватила с собой свитер, когда утром шла на работу. Она переминалась с ноги на ногу, прохаживалась взад-вперед, гадая, где, черт возьми, ее брат. Конечно, ему было только семнадцать и опаздывать было его второй натурой, но он был в курсе, что сегодня ей необходимо забрать свою машину из мастерской и вернуться домой, чтобы помочь матери. Черт побери, Дэвид.

— Может я тебя согрею? — раздался у нее за спиной глубокий голос. Она резко развернулась, чуть не упав прямо на Маркуса Эмброуза, который вышел из дверей здания. —

Эй. Прости, я не хотел тебя напугать, — сказал он, подхватив ее за локти и приветливо поглядывая на нее.

Она отступила назад и приподняла бровь.

— Что-то я сомневаюсь.

Он пожал плечами, расплываясь в улыбке, от которой должно быть таяли сердца учителей и бабушек, когда он был школьником.

— В любом случае, ты слишком прекрасна, чтобы стоять здесь в одиночестве и мерзнуть. Может пойдём и что-нибудь выпьем?

Она посмотрела на его идеальный подбородок с такой же идеальной вечерней пятичасовой щетиной. Его густые волосы находились в восхитительном беспорядке, его темно-карие глаза сверкали озорством, в которых ей захотелось окунуться, но она знала, что не имела права. Она вздохнула и посмотрела на оживленную улицу, прохожие спешили домой.

— Извини, я жду своего брата, он должен меня забрать.

— Значит, у тебя тоже есть брат? — спросил он, прислоняясь к углу входа в здание, очевидно, решив задержаться здесь на какое-то время. — Старший или младший?

— Младше меня, — ответила она, прислонившись к стене рядом с ним, соглашаясь с его компанией. — Ему семнадцать... во всех смыслах.

Маркус сочувственно ей улыбнулся.

— Довольно безответственный, да?

Она кивнула.

— Тебе стоит послушать некоторые истории, которые Дерек может рассказать обо мне.

Но все мы со временем вырастем.

Она скептически посмотрела на него.

— И ты?

Он рассмеялся.

— В конце концов, да.

— Так, ты будешь работать на WNN? — она решила переменить тему разговора, выбрав что-то более нейтральное, ей совершенно не следовало фантазировать о брате своего босса и насколько он повзрослел, а она явно думала о нем.

Он усмехнулся, довольный выбранной темой, которая явно была ему очень близка.

— Я — политический корреспондент. Не в пресс-службе Белого дома, но это моя следующая цель.

— Впечатляет. Ты молодо выглядишь, чтобы быть репортером WNN.

Он переместился, прислонившись плечом к стене, и повернулся к ней.

— Возможно, но у меня имеется степень магистра по одной из лучших программ журналистики в нашей стране, и я два года проработал в качестве репортера на радио в Филадельфии — большой кузнице кадров.

Он взял ее за руку, потирая большим пальцем кончики ее пальцев, также он делал и раньше, когда стоял перед ее стойкой ресепшен. Его жест вызвал крошечные искры света у нее в груди, и она неосознанно подалась поближе к нему.

— А ты? Как ты стала работать на моего брата?

Она пыталась вспомнить, как следует нормально дышать, его темные глаза загипнотизировали ее.

— Я училась в институте, но потом решила на какое-то время сделать перерыв. Моя

мама дружит с одним из клиентов... и он порекомендовал меня мистеру Эмброузу. Моя ведущая дисциплина была коммерческая деятельность, так что я подумала, что смогу стать неплохим личным помощником.

Он нахмурился и перестал поглаживать ее пальцы, просто держал ее за руку, накрыв своей большой рукой.

— Но ты же собираешься закончить институт, верно? Я имею в виду, Большой Брат и все такое, но ты слишком умна, чтобы все время работать на него.

Она рассмеялась.

— Я скажу ему, что ты о нем говоришь.

— Чувствовал, что с тобой огребу от него по полной, — ответил он, ухмыляясь.

— Но если ответить на твой вопрос, я надеюсь когда-нибудь закончить институт, но на данный момент я, действительно, наслаждаюсь работой и особенно деньгами, — этот стандартный ответ она всегда говорила, когда ее спрашивали, не ложь, но и не правда.

Несколько минут спустя, когда они обменялись очередными шутками, Рене увидела старую Subaru брата, прибывшую перед зданием на остановке. Она сглотнула и двинулась вперед, убрав свою руку из ладони Маркуса. И где-то глубоко внутри нее маленький голос возмутился от такой потери.

Дэвид выбрался на тротуар, внимательно рассматривая Маркуса, прежде чем его остекленевшие, воспаленные глаза перешли к ней.

— Ты готова? — хрипло спросил он.

— Ты опять под кайфом, — сказала она, смирившись. — И опоздал.

— Извини, деваха. Мы репетировали, и все было отлично, просто не смогли остановиться.

Она поняла, что Маркус следовал за ней и прежде чем собралась прочитать очередную лекцию Дэвиду, Маркус встал рядом и протянул ему руку.

— Привет, я Маркус. А ты, должно быть, брат Рене?

Дэвид бросил на него скептический взгляд.

— Да. Вы работаете с моей сестрой?

Рене вздохнула с облегчением. Несмотря на то, что тон Дэвида был вызывающим, он, по крайней мере, не убрал свою руку, а вежливо пожал. Видно, все же хорошие манеры въелись в него, и он не смог остановить свою руку, чтобы не соблюсти приличия.

— Неее, я младший брат ее босса, — ответил Маркус, улыбаясь.

Дэвид тоже выдавил из себя улыбку.

— О, я все знаю о «любимой игрушке» — младшем брате. Бесконечное нытье. Да, Ней? — он закатил глаза на Рене, используя прозвище, которое дал ей, когда только учился ходить. *«О, если бы вернулись те дни, когда самое худшее, что делал Дэвид были мокрые подгузники»*, — подумала Рене.

— Возможно, если бы ты вел машину не под кайфом, я смогла бы прекратить нытье. Ты забыл, почему мне было необходимо, чтобы ты забрал меня сегодня вечером? Ты должен был забрать меня, чтобы я смогла забрать свою машину из ремонтной мастерской. Но нет никакого способа, достучаться до тебя.

Дэвид прислонился спиной к машине, припаркованной у обочины. Это был темно-синий мерседес с откидным верхом, и Рене напряглась от вида своего высокого младшего брата, распластавшегося буквально на ста тысячах долларов.

— Господи. Я принял всего лишь два часа назад и вполне прилично могу ездить. Я

приехал сюда из Александрии (*город в штате Виргиния, США*) от Тони. Не делай из мухи слона.

Рене почувствовала жар на щеках, но не могла позволить Маркусу увидеть, насколько ей неловко из-за поведения брата.

— Просто дай мне ключи. Мы поговорим об этом позже, — она протянула руку и скользнула взглядом по Маркусу, который стоял, потупив глаза, словно разглядывал что-то на тротуаре.

Дэвид бросил ей ключи и, шаркая ногами, направился к Subaru, усевшись на пассажирское сиденье, откинулся на спинку, выставив ноги в окно.

— Большое спасибо, что составил мне компанию, — ярко произнесла Рене, пытаясь стереть неловкость последних минут.

— Мне было в удовольствие, — ответил Маркус, одаривая ее теплой улыбкой.

Она легко махнула ему рукой и пошла водительской двери, но в очередной раз почувствовала, что он следует за ней, чуть ли не шаг в шаг, она проскользнула на сидение и подняла глаза, он стоял, опустив руку на открытую дверцу, внимательно наблюдая за ней.

Он наклонился и взглянул на Дэвида.

— Не принимай близко к сердцу, парень.

— Да, приятно было познакомиться, — ответил Дэвид, пожимая руку Маркусу.

— Один младший брат другому, — произнес Маркус, удерживая руку Дэвида больше, чем положено. — Полегче со своей сестрой. Знаешь, не всегда легко быть старшим.

Дэвид кивнул, и Маркус отстранился, наклонившись к уху Рене, и его эротический шепот тут же заполнил ее голову картинками — он над ней, в ней, заполняющий ее.

— Я надеюсь, что мы все же выпьем как-нибудь, — сказал он. — И я сделаю все, чтобы это осуществилось.

Рене уставилась на него, потеряв дар речи, он ухмыльнулся и закрыл дверь. Она отъехала от обочины и влилась в общий поток машин в час пик округа Колумбия, Дэвид закрыл глаза, что-то продолжая бормотать, а потом заснул со словами:

— Чувак, все в порядке.

Да, Маркус Эмброуз был очень хорош.

«Парню явно необходим тинок под зад, — думал Маркус, направляясь в сторону станции метро. — И растит ли его Рене одна или что-то другое? Она едва ли старше его. Конечно, она не может быть его опекуном. Казалось, что они вместе, но у них явно есть родители, и где же они находятся сейчас, что ее младший брат растет таким ленивым и угрюмым подростком?»

Он провел пластиковой картой, проходя через турникет к поездам, отвлекаясь от мыслей о Рене и вспоминая ее лицо, когда ее брат вышел из машины. Смущенный, раздраженный, взвинченный. Он хотел стереть этот взгляд из ее прекрасных глаз. Недолго думая, он скользнул на сидение в конце вагона и набрал номер Дерека на телефоне.

— Ты был у меня четыре часа назад, — рявкнул Дерек. — Какого черта тебе нужно?

Маркус знал, что не стоит серьезно воспринимать горячность своего брата. Дерек не стал бы мультимиллионером и политическим консультантом власти имущих, если бы все время распространял вокруг себя радость и смех, куда бы не шел. Дерек был жестким, как скала, бизнесменом и гением политической стратегии, осуществив успешные кампании половины представителей, которые попали в Конгресс и Сенат США на Капитолийском холме.

— Мне тоже приятно тебя слышать, — невозмутимо ответил Маркус.

— Извини, — ответил Дерек, усталость послышалась в его голосе. — Сегодня был плохой день, и я только что получил телефонный звонок, которого очень не хотел. Что случилось, ты забыл, где находится твоя новая квартира?

Маркус засмеялся и посмотрел на изображенную линию метро на стикере над окном в вагоне.

— Нет, я сел даже на правильную ветку. У меня к тебе вопрос.

— Валяй.

— Что происходит у Рене с братом? Я имею в виду, она воспитывает его одна или что?

На другом конце установилась длительная пауза.

— Откуда ты знаешь, что у нее есть брат?

Маркус почесал голову, чувствуя, что дальнейший разговор ему явно не понравится.

— Я столкнулся с ней, пока она его ждала у офиса.

— Ты покинул мой кабинет два часа назад, Рене ушла в шесть.

Маркус закатил глаза к потолку. Да, прежде чем позвонить, он об этом не подумал. Вот черт.

— Я вернулся к тебе в офис, думал, что забыл свои очки от солнца. Но, пока поднимался, случайно обнаружил их во внутреннем кармане пиджака, поэтому пошел назад, не стал заходить к тебе.

— Ммм, — прогрохотал Дерек. — И тот факт, что она привлекательна, и я сказал тебе держаться от нее подальше, не играет роли, что ты кружил вокруг моего офиса в конце рабочего дня?

Вот, дерьмо. Маркус ненавидел, как его брат всегда его вычислял.

— Эй, ты же сказал мне «руки прочь», поэтому я не распускаю руки, хотя не могу понять, в чем тут дело. Я всего лишь хотел выпить с девушкой, а не жениться на ней.

— А было бы намного лучше, если бы ты захотел жениться на ней. Проблема

заключается именно в *том*, что ты назначаешь ей свидание, потом на следующее утро не перезваниваешь, она обижается и решает, что не хочет видеть меня, поскольку я, как *твой старший брат*, все время буду напоминать ей о ее разбитом сердце, и увольняется. А я остаюсь без ассистента... опять.

— Я не...

— Ты всегда делаешь то, что хочешь. Ты оставил след «одной ночи» из одного конца штата Пенсильвания в другую. Декан университета сообщила мне, несмотря на то, что она была очень рада видеть тебя у себя на курсе, она почувствовала облегчение, когда ты выпустился, поскольку теперь она сможет вернуть некоторых студенток в основные часы. Они все ушли после того, как ты их бросил.

Грудь Маркуса горела от преувеличения. Конечно, в институте и аспирантуре он был игроком..., немного, но уж точно не мудаком. Он всегда был уверен, что девушки знали правила игры. Не то чтобы он был против, чтобы довольствоваться одной женщиной (в теории) конечно, но их было слишком много. Блондинки, брюнетки, рыжие. Высокие, худые, маленькие, женщины с большой грудью и крошечной талией. Женщины, с большим энтузиазмом готовые запрыгнуть к нему в постель, тогда почему бы и нет?

— Ты кретин, — сказал Дерек.

— Правда? Назови мне хоть одну женщину, с которой ты встречался более чем два раза с момента учебы в институте.

Маркус почувствовал ухмылку Дерек на том конце телефона. *Ублюдок*.

— Была одна в самом начале. Психолог... как ее звали? Я стал с ней встречаться в первом семестре.

— Тем не менее, ты не можешь вспомнить ее имя, и мне жаль, приятель, но, сидеть с ней на лекциях каждую неделю, а потом раз ее трахнуть, чтобы отпраздновать финал отношений, не считается настоящим свиданием.

Они зашли в тупик в своих колкостях, а Маркусу хотелось узнать о семье Рене. Он не понимал, почему был готов выслушивать порицания от Дерек, поэтому не собирался его останавливать.

— Думай, что хочешь, но я ничего не собираюсь делать с Рене, просто пойти выпить. Я недавно в городе и мне следует обзаводиться друзьями, ты же знаешь? Просто расскажи мне о ее семье. Мне любопытно узнать по больше о моем новом *друге*.

Дерек фыркнул.

— Ни в коем случае. Тебе придется искать своих новых друзей вне моего офиса, *чемпион*. Какие планы у тебя завтра на ужин? Я подумал, мы могли бы пойти в *Pastille*, и я познакомлю тебя с некоторыми постоянными посетителями, это будет первый твой шаг завести нужные контакты, и ты можешь быть уверен, что эти люди — лидеры, делающие историю сегодня.

Дерек. Всегда думал о том, как получить преимущество над конкурентами. Маркус покачал головой. Насколько грубым и властным мог быть его брат, но он всегда соблюдал интересы Маркуса. Дерек не часто изъяснялся в любви к своему брату, но если он это делал, он любил сильно, и Маркус всегда был счастливым получателем братской любви, причем всю свою жизнь.

— Да, звучит неплохо. Скажи во сколько, и я встречусь с тобой там.

— Ладно, я позвоню тебе, прежде чем покину офис. И эй...

Маркус закрыл глаза и прислушался к словам брата, который в данный момент стал

старшим братом во всей своей красе.

— Ты отлично со всем здесь справишься и познакомишься с нужными людьми. Со многими. В это время, в следующем году ты вольешься и будешь владеть округом Колумбия, поверь мне.

Он сделает, он доверял Дереку и желал только одного, чтобы Дерек доверял ему также.

— Уверен, что так и будет парень. Увидимся завтра.

Рене уже проработала на Дерекка две недели, и еще ни разу не видела, чтобы этот мужчина уставал. Он был непрекращающимся сгустком энергии, харизмы, альфа-руководством, даже в конце рабочего дня. Он также был справедливым, рассудительным, лучшим боссом, который у нее когда-либо был. Поэтому через две недели она поняла, что это работа была не просто работой, в которой она так нуждалась, а также, о которой можно было бы только мечтать.

Дерек точно знал, почему Рене работала на него вместо того, чтобы завершать учебу в институте, но это не останавливало его, ожидания от нее проявления лучших качеств у него в офисе, чтобы она не чувствовала себя объектом его благотворительности. Во всяком случае, он вел себя так, как будто *она* делала ему одолжение, дополняя его работу, и он пару раз с благодарностью замечал, что наконец-то нашел хорошего ассистента. Она даже не могла себе предположить, что будет испытывать чувство гордости, работая чьим-то секретарем, но стала лучше понимать, как важно отлично выполнять свою работу и быть специалистом, и совершенно не важно какую должность ты занимаешь.

Не потому что ей было все равно, а потому что ассистент она или нет, для нее не имело значения по многим причинам, ей важно было ее место и то, что она с радостью шла в этот офис. Так и было, когда она через пару дней после знакомства с Маркусом пришла в офис, и Дерек попросил ее зайти к нему в кабинет совершенно другим тоном, нежели, которым он обычно с ней разговаривал, она реально заволновалась. А после разговора, она стала переживать еще больше.

— Присаживайся, — сказал он, когда она вошла в его кабинет. Она заняла одно из кресел, на которое он указал, поэтому села перед ним за массивный деревянный стол. Дерек не довольствовался малым — вся офисная мебель была большой, стильной и дорогой, как и сам мужчина, которой ей пользовался.

— Спасибо за кофе, — он поднял кружку, который она принесла ему несколько минут назад. — Как дела у твоей мамы? — спросил он, сделав глоток. Он всегда мог делать параллельно две или три вещи, но сейчас Дерек сосредоточил все свое внимание на ней. И ей стало немного жутковато.

— Уже лучше. Мы очень надеемся.

Дерек кивнул.

— Хорошо, что все хорошо. И ты обязательно скажешь мне, если тебе что-нибудь понадобится, да?

Она сглотнула, снова думая, насколько благодарна, что Дерек взял ее к себе.

— Да. Я ценю вашу заботу, — сказала она, срывающимся голосом. — Больше, чем вы можете себе представить.

Дерек прочистил горло, заерзав на стуле и произнес:

— Мне нужно поговорить с тобой о моем брате.

Вот черт.

— О! Хорошооо, — ее сердце замерло, и казалось, остановилось, словно положили

камень, а потом забилося.

Дерек смущенно почесал голову.

— Я не уверен, но... мой брат — отличный парень. Я для него и брат, и родитель в одном лице, причем большую часть своей жизни, поскольку наша разница в возрасте велика, — он замолчал, наконец, подняв на нее глаза. — Я очень горд, чего он достиг в своей карьере. Но он не из тех, кто рассматривает серьезные отношения.

Рене почувствовала, как камень в груди упал в живот. Она поняла, что покраснела, и испытывала страх, разочарование и смущение одновременно.

— Клянусь, я не... я не... Хм...

— Все нормально. Я знаю, что не ты первой начала вчера. Это сто процентов в стиле Маркуса. Он видит красивую девушку и включает свое обаяние на полную катушку, — хмыкнул Дерек, качая головой.

Рене резко выдохнула и почувствовала, как разочарование одержало победу над всеми другими эмоциями. Маркус, заигрывая с ней, вчера заставил ее почувствовать себя особенной. Очевидно, она не была для него особенной.

— Вот незадача, — продолжил Дерек. — Несмотря на то, что я очень люблю Маркуса, но есть плеяды женщин, с которыми он встречался и будет встречаться. Ты получишь слишком много проблем, и работа на меня — это не прогулка в парке. Я не хочу видеть тебя расстроенной и страдающей, когда он причинит тебе боль. Однажды Маркус найдет идеальную женщину и станет отличным парнем, но не сейчас. Имеет ли смысл ввязываться в это? — он смотрел своими глазами, цвета синего льда, казалось, они прожигали ее, как лазерами, пытаясь проникнуть ей в черепную коробку.

— Да. Я понимаю. Правда, все в порядке. Он был очарователен, но вы правы, у меня и так достаточно дел на дню, чтобы еще кидаться в водоворот с мужчинами. Я не собираюсь встречаться с вашим братом, — она попыталась сказать это легко, но подозревала, что прозвучало несколько с отчаянием.

Дерек с явным облегчением выдохнул.

— Хорошо. Именно это я и хотел услышать. Я предупредил его держаться от тебя подальше, но хотел убедиться, что ты понимаешь, как я ко всему этому отношусь. Маркус тебе не совсем походит и тем более в этом офисе, так давай держать все по отдельности. Согласна?

Рене встала, натянуто улыбаясь.

— Конечно. Что-нибудь еще, сэр?

Дерек уже перешел к следующей задаче, щелкнув по документу на своем мониторе и выругавшись себе под нос.

— Неа, это все. Я увижу тебя чуть позже на встрече с командой Родригеса, верно?

— Да, сэр, — Рене отсалютовала ему, Дерек усмехнулся, и она вышла из кабинета, закрыв за собой плотно дверь.

Добравшись до своего стола, Рене рухнула на стул. Она сделала глубокий вдох, чтобы унять подкатывающие слезы. Она до конца не могла сказать, что расстроило ее больше... унижение от слов босса, чтобы она не гонялась за его младшим братом или суровое открытие, что Маркус Эмброуз имел распутные намерения. В любом случае, сегодня явно день не задался, решила она. Хорошие дни для Рене были важны, но она научилась переживать и плохие.

Взяв под контроль свои эмоции, она включила компьютер и внимательно просмотрела

список, предстоящих дел. Закончив, взглянула на фото, на котором была изображена с мамой и братом перед Мемориалом Линкольна два года назад. Она осторожно прикоснулась к рамке, вспоминая их лучшие дни. Сделав глубокий вдох, она заставила себя встряхнуться. *«Вспомни, что важно, — сказала она себе. — Вспомни, зачем ты здесь».* Маркус Эмброуз мог заставить трепетать ее сердце, но семья для нее была всем... ее преданностью к ним и ее работа была тоже связана с ними. Рене единственная, кто содержала семью, это было вызвано необходимостью.

Первый день работы Маркуса был сущим адом. Он провел три долгих часа в отделе кадров, заполняя бумажки, а потом еще два часа, заполняя тесты на психическую профпригодность. Агентство новостей занимало огромное здание, и он сомневался, что смог запомнить такие вещи как, где находится аппаратная или имя своего айтишника. А он ненавидел быть не в курсе, отсюда и результат, почему он выбрал журналистику.

К двум часам дня ему было сказано появиться на совещании в три, чтобы «врубиться» в ночную смену, вернее быть проинформированным по поводу ночного выпуска, а затем он спокойно может покинуть свое рабочее место. Он откинулся на спинку кресла и окунулся в водоворот — гул от беготни и ажиотаж начинался репортажами с полей в дневной программе, потом шли репортажи и все заканчивалось отредактированным видео. После программы журналисты слонялись туда-сюда, потягивая латте и общаясь со своими коллегами из дневного выпуска, и каждый раз при очередной программе они шли, как будто в бой.

— Ну, кто тут у нас? — произнес сексуальный голос, возвращая его из своих спутанных мыслей.

Маркус взглянул в совершенное лицо самого любимого репортера WNN, которое все время светилось на экране, Триш Андерс.

Ее светлые волосы были отлично уложены, кончики чуть-чуть загнуты вверх, челка на бок была идеальной длины, подчеркивая высокие скулы, которые не затеняли ее большие кристаллические голубые глаза.

Маркус поднялся, пока его взгляд путешествовал вниз по темно-синему деловому костюму, белой шелковой блузкой с декольте, обтягивающем пиджаком, зауженным в талии, оканчивающемся на округлых бедрах. Задержавшись на перламутрово-розовых ногтях, он не спеша стал поднимать глаза, остановившись на кошачьей улыбке, а затем перейдя к ее лицу.

— Я тебе нравлюсь? — промурлыкала она. Да, наверняка, коварная, как кошка.

— Я Маркус, — сказал он, протягивая руку.

— Триш, — ответила она, решительно пожимая его руку. — И не нужно представляться, красавчик. Если даже ты не был бы расценен дирекцией, как второе пришествие, ты очень похож на своего брата, это видно сразу же.

Маркус хмыкнул, но не пропустил издевку в ее словах. По крайней мере, жестко и открыто.

— Да, я пытался обсудить этот вопрос с моей матерью, но она пробормотала что-то о ДНК, именно поэтому, я очень похож на Дерека за минусом голубых глаз.

— Это хорошо. Один раз я брала у него интервью, и мне показалось, что он хотел заморозить меня до смерти своими лазарами. Ледяными, — она поежилась, чтобы лучше проиллюстрировать свое ощущение, и ее грудь качнулась. И по ее лицу он понял, что это было сделано не случайно.

Маркус откашлялся и с трудом сдержался, чтобы не ухмыльнуться. Настолько, насколько он любил женщин, но жесткие и агрессивные никогда не были в его вкусе.

— Эх, преимущественно Дерек привык отдавать приказы. Если только вы не кандидат оппозиции, тогда все будет предрешено.

— Итак, сегодня твой первый день? — спросила она, подходя поближе и проводя ногтем по лацкану вниз его пиджака.

— Да, — он посмотрел на часы. — И мне бы лучше не опоздать к трем часам. Я до сих пор не знаю, где все будет проходить, поэтому потребуется некоторое время, чтобы найти.

— Ты в ночную смену? — спросила она, тотчас же безупречно надув губки.

— В основном, хотя я буду вести и некоторые дневные выпуски... иногда. Настоящее мучение для новичка.

Выражение ее лица прояснилось.

— Хорошо, тогда увидимся. Не забудь заглянуть утром и сказать «привет».

Маркус осторожно обошел ее, стараясь не давать ей шанса, схватить его своими окрашенными ногтями, которыми он был уверен, она поймала много бедных, ничего не подозревающих мужчин.

— Обязательно. Приятно было познакомиться, Триш.

— Ммм, мне тоже, конечно, было приятно, — промурлыкала она.

Маркус шел по коридору, качая головой. Столько усилий... его все время подмывало ей сказать, чтобы она зря не тратила свое время, а двигалась дальше к следующей жертве, но это была плохая идея — портить отношения со своими сослуживцами в первый день на новом месте. Он ничего не мог с собой поделать, но в голове у него была Рене. Независимо, какой грим был на Триш, независимо, насколько отлично были уложены ее волосы, или настолько огромны ее силиконовые груди, она никогда не сможет сравниться с такой женщиной, как Рене.

В Рене было все настоящее и подлинное, от ее волнистых волос, цвета медовый блонд, до кончиков пальцев на ногах... да, он обратил внимание на ее пальчики, и они были очаровательны. Никто не может с такими длинными и стройными ногами иметь пальчики, как обрубки, это не укладывалось у него в голове, поэтому он думал, что они тоже были очаровательными.

Он обогнул вестибюль, вышел в небольшой внутренний дворик, служивший единственным открытым пространством в этой крупной офисной башне, вытащил свой телефон и набрал быстрый вызов.

— Эмброуз и Партнеры слушают, — раздался сладкий, кристально чистый голос.

— Рене, — произнес Маркус.

— Да? Могу я вам чем-то помочь?

— Мне грустно, что ты не помнишь мой голос, — сказал он, улыбаясь, улыбка само собой появилась у него на лице.

— Привет, Маркус, — ответила она, и он почувствовал ответную улыбку в ее словах.

— Ты скучала по мне?

— Жутко. Тебе нужно поговорить с братом?

— Нет. На самом деле, ты можешь ему не сообщать, что я звонил, вот и все. Я звоню тебе, чтобы предложить... сходить куда-нибудь выпить.

Она вздохнула, и ее звук перенесся к нему и твердо приземлился у него в паху. У него никогда не было девушки, которая бы ему уже нравилась одним вздохом, но он понял, что

Рене отличается от всех девушек, с которыми он был раньше.

— Маркус, — тихо сказала она. — Знаешь, я никуда не могу с тобой пойти.

Он заскрипел зубами. Чертов Дерек со своими дурацкими правилами. Ему, на самом деле, нравилась эта женщина.

— Мы ничего не будем делать, — произнес он, как можно веселее, даже сам почувствовал, что повеселел.

— Я не могу общаться с тобой. Я не должна вступать с тобой в тайные телефонные переговоры и ходить куда-либо и все такое. Мне нужна эта работа.

— Дерек не уволит тебя, если ты сходишь со мной куда-нибудь выпить, — сказал он, желая почувствовать себя более уверенно. Он знал, что имел большое влияние на своего брата, но он не был уверен, что сможет воздействовать на Дерека, когда дело касалось бизнеса.

— Кто-то звонит по другой линии. Мне надо идти, — она замолчала. — Мне действительно очень жаль, — прошептала она.

— Не переживай, красotka. Иди и делай свою работу. Я буду думать о тебе и бокале хорошего виски.

Она тихо засмеялась, а затем положила трубку.

Вот черт.

Он засунул телефон обратно в карман, отметив, что у него есть всего лишь десять минут, чтобы успеть к началу встречи. Прямо сейчас он ничего не мог поделать, но позднее он подготовиться, наберется сил и сделает так, что Дерек позволит ему видеться с Рене, чего бы это ему не стоило. Он может и был младшим братом, но многому научился у старшего — упорству и стремлению к цели, и он собирался выиграть этот раунд. С призом, в виде Рене, и он не мог позволить себе проиграть.

Рене казалась, что она смывала блевотину днями напролет, хотя фактически только четвертый раз за последний час.

— Ты не должна этого делать, — пробормотала ее мать, лежа на кровати и уронив голову на бок, ее дыхание было хриплым.

— Не смеши меня, — спокойно произнесла Рене, промокая ей лоб холодной мочалкой. — Это пройдет через несколько часов, и тебе станет лучше, но сейчас ты нуждаешься в помощи.

— Просто отведи меня в ванную, и я не буду делать этого здесь. Я смогу справиться с этим сама.

— Ты слишком слаба, чтобы справляться сама. Ты можешь обо что-нибудь там удариться головой. Просто лежи спокойно и пей воду, чтобы у тебя не было обезвоживания.

Через три часа и двух ведер, казалось худшее миновало, и Рене выскользнула из комнаты матери, оставив ее спать. Она пошла в гостиную и рухнула на диван, прижав колени к груди, зарылась в них лицом, свернувшись калачиком.

Слезы угрожали вылиться из глаз, образовываясь в уголках. *«Не плачь, не плачь»*, — шептала она мысленно себе.

— Ней, — голос ее брата выбил ее из забвения. — Что происходит? — Он зевнул, она посмотрела на него, потирая глаза, явно недавно проснулся.

— А ты как думаешь? — тихо спросила она. — Маме вчера сделали химиотерапию. Знаю, что это беспокоит твой сон и мешает твоему существованию, но ты не думаешь, что мог бы помочь мне хотя бы какое-то время?

Дэвид плюхнулся в кресло, глядя на потертую обивку на подлокотниках, а не на нее.

— Я не знаю, что могу сделать, — пробормотал он. — Я имею в виду, она блюет в течение четырех часов, потом спит в течение четырех дней. Согласись, не вполне групповое занятие.

Рене вздохнула.

— Не обращай внимания, Дэвид. Забудь, что я говорила. Что ты делаешь сегодня вечером? Ты готовишься к контрольной по математике? Мама сказала, что у тебя последняя контрольная. Ты всегда был очень хорош в математике.

Он покачал своими длинными волосами.

— Да, я ненавижу тригонометрию, поэтому думаю, что не так уж и силен в математике.

Рене изо всех сил старалась убрать разочарование в своем голосе.

— Ты хоть учишься? Я имею в виду, нравится тебе это или нет, но я знаю, что ты можешь учиться хорошо.

Дэвид закатил глаза и опустил голову на подголовник.

— Я не собираюсь строить свою дальнейшую жизнь, основываясь на долбанной тригонометрии. Поэтому кого заботит, если я получу плохую оценку?

— Заботит колледж, — ответила она твердо. — Колледж это очень заботит, и путь, по которому ты идешь, не даст тебе возможности поступить не в один.

Он поковырял ногтем обивку на кресле, по-прежнему отказываясь встретиться с ней глазами.

— Да, но возможно, я и не собираюсь в колледж.

Сердце Рене остановилось на долю секунды, у нее задрожали руки, она зажмурилась. Она проигрывала битву, война не прекращалась. Ее младший брат, красивый, талантливый, обаятельный младший брат собирался разрушить свою жизнь, и она чувствовала перед ним вину, если не сможет остановить его.

Она открыла глаза и увидела, что он смотрит на нее, страх промелькнул у него на лице, прежде чем оно снова стало замкнутым.

— Я знаю, что это тяжело, — прошептала она. — Я знаю, что ты боишься. Мне тоже страшно, но ты не можешь позволить этому разрушить твою жизнь. Лучшее, что ты можешь сделать для мамы, хорошо учиться и получать хорошие оценки, помогать по дому, проводить с ней время. Просто рассказывай ей, как прошел твой день. Может, читай ей свои работы, которые ты написал или сыграй ей песню. Она борется, чтобы остаться с нами, но мы должны ей помочь.

— Я должен импровизировать, — сказал он, вставая. — У ребят нет практики. Не знаю, когда вернусь домой.

Рене только покачала головой. Место в груди, которое чувствовало себя таким опустошенным каждый день, ныло.

— Пожалуйста, будь осторожен, — сказала она, как только он направился к двери. Единственный ответ, который она получила перед тем, как захлопнулась входная дверь, рев двигателя Subaru и визг шин, когда он сбегал из дома, единственного который знал.

У Рене осталось не много друзей после того, как она покинула институт. Но ее лучшая подруга Элис поддерживала ее во всем и плевала на условности. Рене познакомилась с Элис в первый день семестра в столичном университете, и Элис продолжала руководить ею до сих пор.

Теперь же, когда они стояли в дверях бара в Джорджтауне, она сожалела об образе, который она создала несколько лет назад, следуя указаниям Элис.

— Здесь так оживленно, — пожаловалась она, когда Элис схватила ее за руку и начала тянуть в глубь толпы двадцатилетних плюс, пьющих пиво, играющих в бильярд и кричащих, пока смотрели игру НФЛ на большом экране.

— Точно, — усмехнулась Элис. — По крайней мере, половина этой толпы мужского пола. Именно это нам и нужно после долгой, напряженной недели.

— Мне лично нужна — теплая постель и мой киндл, — пробормотала Рене.

— Нет, тебе нужен горячий мужчина и еще немного текилы.

Рене сняла с себя пальто и повесила его на спинку стула, Элис придвинула стул от соседнего стола. Стул был такого же цвета, как и стол, заваленный пустыми стаканами и грязными салфетками. Элис подняла одну, зажав между большим и указательным пальцем, и прищурившись посмотрела на нее.

— Это *сокрушающий сюрприз*? — спросила она.

— Какой сюрприз? — переспросила Рене, оглянувшись вокруг, ей показалось, что за ней кто-то наблюдает.

— Нет. Помада MAC. Этот след на этой салфетке *сокрушающий сюрприз*? Я имею в виду, кто, черт побери, наносит такой оттенок помады, если она только не работает на окружной железной дороге? Я не вижу здесь никаких шлюх, не так ли? — Элис стала делать вид, что она с преувеличенным вниманием осматривает помещение, бросая салфетку на пол.

— Ты перестанешь или нет? — фыркнула Рене, садясь на стул и отталкивая грязную

посуду подальше от себя. — Ты настоящий сноб по макияжу.

Элис пожалала плечами и взяла другой стул.

— Это точно. Но это действительно был сокрушающий сюрприз? Оооо! Приивееетт и... там.

— Ну, что теперь?

— Не оборачивайся, но там супер-красавчик, который смотрит на нас. Его приятель немного медлительный, но такой милый, как щенок. Я возьму его и буду развлекать, а ты сможешь закрутить с красавчиком. Ты заслуживаешь хорошего улова, хоть чуть-чуть, поскольку почти не выходишь из дома.

Рене с трудом подавила желание обернуться, поскольку глаза Элис заблестели, и она легко взмахнула рукой, чуть ли не трахая их глазами.

— Ты остановишься? — зашипела Рене. — Ты же знаешь, я здесь не для того, чтобы снимать парней.

— Тише. Они идут, — Элис практически подскакивала на своем стуле, и ее улыбка расплзлась прямо до ушей.

— Ну, мой вечер становится все лучше и лучше, — произнес над Рене соблазнительный мужской голос. Она взглянула вверх в насыщенные темные глаза своей фантазии, воплотившиеся в жизнь, несущие ей одни неприятности. И его глаза всколыхнули в ней все, все, о чем она последние два раза говорила с ним. И сейчас он стоял, сверкая идеально белыми зубами, с взъерошенными волосами, нависший над ней своей широкой грудью в обтягивающей изысканной футболке, которую она вообще никогда уж точно не видела. Господь должно быть ее возненавидел, поскольку из всех ночных увеселительных мест Маркус Эмброуз выбрал именно это.

— Да, — прохрипела Рене, стиснув зубы от досады.

— Прости, парень, но она несколько груба, пока не выпьет, — произнесла Элис, бросив укоризненный взгляд на Рене. — Я Элис, а она — Рене.

Маркус пожал руку Элис, не отрывая глаз от Рене.

— Я Маркус, а он Алекс, — он ткнул пальцем в сторону своего друга со свисающими волосами и сонными глазами.

Алекс поприветствовал обеих женщин, пожимая им руки. Тут же Маркусу удалось достать откуда-то два стула, как будто по волшебству. Он присел поближе к Рене, и она заметила, как Элис приподняла брови, ухмыляясь во все лицо. Рене хмуро посмотрела на нее.

— Чем вы мальчишки занимаетесь? — спросила Элис, и коварная улыбка загорелась у нее на лице.

— Мы из WNN, — ответил Алекс. — Он настоящий талант, а я — фотограф.

— Хорошо, рад тебя увидеть, — Маркус не отрывал глаз от Рене, словно увидел превосходный стейк, его голос комментатора был гладким и дьявольски соблазнительным.

— Постойте-ка, вы двое знаете друг друга? — удивленно спросила Элис.

— Он — брат моего босса, — сказала Рене, изо всех сил стараясь не хмуриться.

— Ты работаешь на Дерек Эмброуз? — поинтересовался Алекс, вытаращив глаза.

— Да, я его личный ассистент.

— Эй. Ты, наверное, знаешь все самые лучшие сплетни в округе Колумбия.

Маркус наклонился ближе и провел пальцем по руке Рене, посылая каскад тепла, которое распространилось до ее шеи и лица, отчего она почувствовала румянец на своих

щеках.

— Держу пари, она знает множество секретов, — заурчал он. — Почему бы тебе не поделиться с нами?

Лицо Рене еще больше покраснело, она прочистила горло, пытаясь сформировать свой ответ.

— Мы еще даже не заказали ни одного коктейля, — резко заявила Элис. — Как насчет того, чтобы помочь мне пробраться с толпой у бара, ковбой. — Она перевела взгляд на Алекса. Он подарил ей какую-то тупую ухмылку, встал, протягивая руку.

— С удовольствием, мэм, — ответил он с ужасным техасским акцентом, Элис вцепилась в его руку, прижавшись к ней грудью.

Маркус тихо рассмеялся, как только они исчезли в толпе.

— Наконец-то мы одни, — вздохнул он.

Сердце Рене забилося сильнее от мысли, что несли с собой его слова. Она подарила ему слабую улыбку.

— Вряд ли мы одни. Здесь должно быть две сотни человек. Уверена, что этот бар нарушает все нормы пожарной безопасности.

Он снова пробежал пальцем по ее руке, и она поежилась.

— Тебе холодно? — прошептал он ей на ухо. Он был так близко, что черт побери, от его близости ей не должно быть холодно. Больше было похоже, она перенервничала.

Она нервно откашлялась, не поднимая на него глаз, упорно глядя на стол.

— Ты же знаешь, мы не можем делать это.

— Не можем делать что? — он провел носом по ее шеи, глубоко вдыхая, словно она была живительным кислородом, который ему был необходим. И у нее внизу, начиная от пупка все затрепетало, приходя в гипер-возбужденное состояние.

— Дотрагиваться, — она попыталась отстраниться, но ее усилия были не до конца, только на половину, и она, наоборот, очутилась полностью в его пространстве, отчего он запустил свою руку ей в волосы и с силой потянул ее к себе, вызвав пощипывание кожи головы, но оно было каким-то приятным. Она почти застонала от этого ощущения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так? — спросил он, его голос звучал хрипло от желания. Он провел фактически губами по ее шеи на этот раз.

— Оооо...

— Я вам... ой! Может нам стоит вернуться позднее? *После того*, как он сделает тебе оргазм? — прозвучал голос Элис над ними, она стояла рядом с огромной ухмылкой, а Алекс пытался задушить смешок.

Рене рванула в сторону от Маркуса, отодвинув с жутким скрежетом стул на несколько сантиметров. Маркус откинулся на спинку стула, совершенно не смущаясь, опустив руку на спинку стула Рене и поигрывая кончиками ее волос.

— Я предпочитаю заниматься этим в одиночестве, — ответил он Элис, с ехидной улыбкой. — Прелюдия, однако, является честной игрой в любой обстановке. — Рене старалась выглядеть безучастной, пока он говорил, но ее сердце трепыхалось и ее женское естество между ног моментально сжалось при упоминании слова «оргазм».

Алекс перестал заглушать свой смех и громко рассмеялся. Элис села, поставив по шоту перед каждым.

— Ну, не разрешайте нам вам мешать. И, возможно, немного мексиканского

общеизвестного смазочного материала поможет вашему делу. Берем лайм и выпиваем до конца.

Алекс и Элис опустошили по стопки текилы и засосали долькой лайма. Маркус поднял руку Рене и произнес:

— Если вы уж собираетесь что-то сделать, то следует сделать это правильно, — он лизнул ее запястье, его теплый шелковистый язык послал ударную волну желаний по всему ее телу. Он посыпал солью в том месте, где лизнул, все время, не спуская с нее глаз. Потом слизнул соль, взял шот и опрокинул его в себя, схватив дольку лайма, начиная сосать. Большая ухмылка распространилась по его лицу, когда он поставил пустой шот на стол.

Рене наблюдала за ним, пока ее мысли бессвязно роились в голове. Она сглотнула, пытаясь сохранить свое дыхание.

— Твоя очередь, — прошептал он, оголяя свое запястье и держа перед ней.

Она опустила глаза и увидела тату на запястье, одно единственное слово — *Fraternitas*.

— Братство? — тихо переспросила она, ее мог услышать только он.

— Да, но более сильное понятие. В переводе с латыни означает отношения. Братская любовь, — он посмотрел на слово, и улыбнулся. — Дерек оказал сильное влияние на всю мою жизнь. — Он откашлялся. — Я не могу это до конца выразить словами, я просто чувствую наши отношения. *Fraternitas* — это то, что мы есть.

Она посмотрела на него, потом опять перевела взгляд на его запястье, на слово, чувствуя сильные эмоции внутри себя, потому что она знала, насколько сильно можно любить своего брата, даже если с его стороны не испытываешь такой же сильной ответной любви. Дэвид был яркой звездочкой в ее жизни, и даже сейчас, когда он злился, и у нее не складывались с ним отношения, когда он испытывал боль, она любила его до умопомрачения, что у нее иногда перехватывало дыхание.

— Продолжай, — сказал ей Маркус, — принимать лекарство. — Он подмигнул и придвинул свое запястье к ней ближе.

Словно он наложил на нее заклятье, она наклонилась вперед и лизнула его протянутую руку. И почувствовала, как вибрация прошла через тело Маркуса, стоило ее языку коснуться его кожи. Он насыпал соль и протянул ей снова. Она еще раз лизнула, попробовав соль на вкус, но и почувствовав запах его кожи, тепло, исходящее от него и написанного слова. Раздался низкий рокот у него в груди и, когда ее взгляд переместился на его лицо, его глаза полыхнули. Она подняла голову, и он протянул ей маленькую рюмку. Она взяла, наконец-то оторвавшись от его сильного испепеляющего взгляда. Алкоголь обжег ее внутренности и помог ей освободиться от дурманящего тумана, в который она впала, как только Маркус коснулся ее. Она со стуком поставила рюмку на стол, надеясь, что шок от этого звука заставит ее предательское тело прийти в себя и прочистит голову.

— Ну, — прощбетала Элис через стол. Рене посмотрела на Алекса и Элис, оба пялились на нее так, словно она была инопланетянкой. — Это не безопасное занятие, если уж я сама говорю. Алекс, будь лапочкой и принеси нам кувшин пива и четыре бокала, чтобы мы могли сыграть *я никогда в жизни* и выпустить пар.

Соппротивление Рене Маркусу стало затухать после двух шотов, тех бокалов пива и четырех игр на выпивку, а прикосновения Маркуса стали возрастать. На самом деле, можно было с уверенностью сказать, что большую часть последнего часа, его рука лежала у нее на ноге под столом. Он не передвигал руку вверх, как ему хотелось, но он пробрался под подол

ее юбки, большим пальцем вырисовывая маленькие круги на внутренней стороне ее бедра. Ее кожа была бархатистой и теплой, и было одно местечко настолько мягкое, словно он касался пуха, которым набивали подушки. Рене не останавливала его, поэтому он мимоходом продвинулся рукой выше, стремясь прижаться к нему.

— Я с трудом дышу, — сказала она ему на ухо, ее горячее дыхание обдало его шею.

— Почему? — спросил он, хотя был уверен, что знал ответ. Он страдал от того же недуга.

Она сглотнула и издала крошечный стон. В шумном пабе он был единственным, кто слышал его, и ее стон, как стрела выстрелил прямо ему в пах. В этой области все уже было готово, находясь в отличном рабочем состоянии. Он мимолетно задумался, как собирается подниматься и выходить из-за стола с таким стояком, когда придет время.

— Думаю, из-за того, что ты делаешь, — ее веки трепетали чуть ли не от экстаза.

— Что именно я делаю? — он направил свою руку под столом немного выше по ее ноге, ухмыляясь. — Это?

— Ты погибель для меня, — вздохнула она, прислонившись к нему и прижавшись губами к его подбородку. — Такая настолько превосходная.

— А ты пьяна, — ответил он, очарованный, но в то же время и разочарованный.

— Эй! — Элис посмотрела на них, вернувшись из другой комнаты, где она с Алексом играла в бильярд. — Вам двоим пора или снять номер, или что-то сделать в этом духе. Ты позоришь меня, а это не легко сделать.

Алекс рассмеялся и плюхнулся своим долговязым телом на один из стульев.

— Я должен согласиться, чувак. Одному из вас стоит взять себя в руки и продолжить вечеринку, найдя более горизонтальное положение.

Маркус поморщился.

— В другой ситуации я бы согласился, но думаю, что наша девочка слишком пьяна, чтобы насладиться чем-нибудь другим в горизонтальном положении, кроме как заснуть.

— Неправда, — сказала Рене, выпрямляясь на стуле. Господи, какой же она была милой. Даже с полуприкрытыми глазами и растрепанными волосами с одной стороны. — Я в порядке. Но ты такой теплый. И комфортный. — Она положила голову ему на плечо. Теплая волна прошла по его телу, как только она устроилась поудобней.

Элис закатила глаза.

— Я не готова уходить, но думаю, что она должна отправиться домой. Как вы сюда добирались?

— Я привез нас, — ответил Алекс. — Красавчик не захотел выгонять свою бэу из гаража.

Алекс ухмыльнулся. Маркус посмотрел на него. Он понимал, что это эгоистично, но машина была дорогой, и он не хотел, чтобы Дерек попал на деньги, отдавая эту чертову игрушку в ремонт после того, как какой-то мудака поцарапает или двинет ее на парковке на улице. Если вы направляетесь вечером в центр города на своем автомобиле, у вас возрастает вероятность, что его обязательно покалечат. Факт.

— Хорошо, — сказала Элис. — Ты можешь отвезти Рене ко мне домой, а ты потом забросишь меня. — Она достала брелок от машины и протянула его Маркусу. — Синий Фольксваген «Джетта» в двух кварталах севернее. И не вздумай воспользоваться моей подругой. Я найду тебя...

Маркус хмыкнул.

— Я знаю, и убьешь. Можешь расслабиться. Мне нравятся женщины, способные формулировать целые предложения, — он подтолкнул Рене, которая выпрямилась и заморгала. — Ты готова Спящая красавица?

— Ты отвезешь меня к Элис?

— Да. Это нормально?

Она посмотрела на подругу, которая кивнула ей в ответ.

— Я приеду чуть позже. Алекс выиграл у меня две партии в бильярд, и ты знаешь, что я не могу устоять, чтобы не отыграться. Я хочу взять реванш и не уйду, пока не добьюсь своего.

Маркус обнял Рене за талию и улыбнулся. Боже, она была прекрасной.

— Готова чемпион?

Она улыбнулась в ответ, глядя на него остекленевшими глазами, и он вывел ее из бара.

— Наверное, эта или на следующем этаже, — сказала Рене уже в третий раз. Она не могла вспомнить квартиру, в которой жила Элис, и Маркус пробовал уже три двери открыть ключом, каждый раз мимо.

— Милая, у тебя нет никаких идей, какая из них ее, этот дом имеет двадцать пять этажей. Я, на самом деле, не хочу пытаться открывать каждую дверь слева от лифта на каждом этаже.

Рене вздохнула.

— Прости. Она переехала сюда месяц назад, и оба раза я приходила вместе с ней, поэтому не обращала внимания на каком этаже.

— Это хорошо, но ты уже чуть ли не спишь на ходу. Может, нам стоит отправиться ко мне, чтобы ты могла хотя бы немного поспать?

Она посмотрела на него, прикусив свою пухлую нижнюю губу, раздумывая. Ему хотелось пройтись своим языком по ее пухлой нижней губе, но вместо этого он провел по ней пальцем.

— Я буду хорошо себя вести, обещаю. В основном, по крайней мере.

— Ты не знаешь, что значит хорошее поведение, — прошептала она.

Его кровь стала закипать только от ее голоса.

Что было в этой девушке? Да, она была красива, но он знал сотни красивых женщин. Она была умна, это, к сожалению, было менее распространено. Но в ней было что-то такое, помимо этих двух столь явных качеств. Она заботилась о *своем* брате, была преданной *своему* брату, не какое-то напускное фуффло, а по-честному. У нее был характер, в самом лучшем смысле этого слова, и в какой-то момент он понял, что не только хочет ее, а восхищается ею, Маркус не мог думать ни о какой другой женщине в своей жизни, помимо своей матери, к которой никогда не испытывал подобных чувств.

— Ты действительно хочешь, чтобы я хорошо себя вел? — он развернулся и прижал ее к двери квартиры, которую они пытались открыть.

Она выгнулась ему навстречу и отрицательно покачала головой вперед-назад.

— Мне следует, но...

Он опустил голову и уперся своим лбом в ее, наслаждаясь запахом ее кожи и ее дыханием. Он обхватил ее за талию одной рукой, а другой закопался в ее золотые волосы. Господи, они были роскошными. Она застонала и ее глаза пропутешествовали к его глазам, делая его таким жестким, что у него чуть ли не развилось косоглазие.

— Что ты скажешь? Благонравный или нет? — его губы слегка прошлись по ее.

— К черту, благонравие.

Он со шлепком опустил на нее губы с каждым битом сдерживаемого желания, которое чувствовал, когда впервые увидел ее в кабинете брата. Она сразу же открылась ему, и он погрузился в бархатную глубину ее рта с жаром и вкусом текилы, гонящим кровь к его разгоряченному члену.

Она слегка вскрикнула и обняла его за шею, извиваясь, стараясь приблизиться и сильнее прижаться к нему.

Маркус застонал от самой изысканной пытки, которую он никогда не испытывал. Он исследовал ее рот, а его руки прошли по ее заднице, подсаживая ее повыше, пытаясь прижаться к ее мягкому, теплomu местечку между ногами. Она положила одну ногу ему на бедро и покачалась. Он проворчал:

— Черт, я хочу тебя, — он подхватил ее под задницу и поднял, она тут же обернула ноги вокруг его талии, он навалился на нее, прижав спиной к двери. Послышался глухой звук, а потом они упали, Рене закричала, стоило им ввалиться в темную квартиру.

В последнюю минуту он успел развернуться на пол оборота, чтобы как-то спасти Рене от падения на пол.

— ОМойБог, — пропищала она, когда они затаили дыхание в тишине квартиры, освещаемой только светом из коридора.

— Ты в порядке? — прошептал он.

— Да. А ты?

Он передвинулся с бока, его плечо и бедро приняли всю тяжесть падения.

— Думаю тоже.

Они оба сели, пытаясь прийти в себя. Рене уселась на колени и потянула свою юбку. Он даже не пытался ей помочь, думая, что это деталь одежды сейчас явно лишняя. Ей намного лучше будет в данный момент без юбки. И блузки. *«Господи. Сфокусируйся, парень».*

— Здесь похоже кто-то очень крепко спит или нет?! — спросил Маркус, пока его глаза привыкали к темноте с полосками света из коридора. Они оказались в небольшой прихожей, перед которой простиралась гостиная. Он уже мог различить в темноте диван и два кресла, окна со светящимися городскими огнями.

— Знаешь, выглядит таким знакомым, — сказала Рене, вставая и осматриваясь по сторонам. Она протянула руку к стене и вдруг пространство стало залито светом.

— Дерьмо, — простонал Маркус, все еще сидя на полу.

— О Боже! — закричала Рене.

— Что? — Маркус вскочил на ноги, готовый защищать ее от разгневанного хозяина квартиры, но прежде чем он успел сделать шаг, она прошла в гостиную, включив там электричество и объявив:

— Это квартира Элис!

— Вот, — Маркус протянул Рене стакан воды, пока она сидела на диване Элис, — ты поблагодаришь меня утром.

— Ты будешь здесь утром? — сонно спросила Рене. — Тебе, вероятно, не следует...

Маркус покачал головой, наблюдая за ее большими голубыми глазами, борющимися со сном. Нет, ему явно не стоило здесь быть утром. Ему завтра предстояло работать в первую смену — это, во-первых. А во-вторых, насколько Рене была навеселе, чтобы заставить его вернуться домой, он даже не сомневался, что трезвая Рене заставила бы его отправиться домой.

— Нет принцесса. Я не буду здесь утром. Тебе нужно поспать, чтобы тебя завтра не так мучило похмелье. По крайней мере, завтра выходные и ты сможешь прийти в себя.

Рене зевнула и поставила стакан воды на журнальный столик, прежде чем улечься на мягкий диван.

— На самом деле это не так. У твоего брата назначена завтра утром встреча, на которой я должна присутствовать. Но она будет не раньше девяти, поэтому я могу выспаться.

— Он заставляет тебя работать и по субботам? — заинтересовавшись спросил Маркус, когда его брат стал таким придурком, полным рабом управления.

— Он не заставляет меня. Я получаю повышенную оплату. Раньше он вызывал из агентства временных ассистентов на выходные, а теперь платит мне.

Маркус уставился на нее, задаваясь вопросом, что он явно что-то пропустил.

— Ты хочешь сказать, что работаешь семь дней в неделю?

— Не каждую неделю. Несколько недель всего лишь шесть дней, — она снова зевнула. — Шесть дней просто отлично, — она поудобней улеглась на подушке, закрывая глаза.

Маркус взял ее мобильный со столика, установил будильник на семь тридцать, потом потянулся к креслу позади него и подхватил сложенный шерстяной плед. Он накрыл им Рене, наклонился, оставив нежный поцелуй у нее на лбу, вздохнул полной грудью аромат лаванды, исходивший от нее и прошептал:

— Спокойной ночи, красавица.

Рене вздохнула, пошевелилась, слегка улыбнувшись. Он еще мгновение смотрел на нее, что-то теплое расплзлось у него в груди, но при этом существовала и досада (работает на Дерек Эмброуза семь дней в неделю) от того, что картинка была совершенно неправильной, он намеревался выяснить, почему она согласилась на это.

Рене извинилась и поднялась из-за стола в конференц-зале. Трое мужчин в дорогих костюмах едва обратили на нее внимание, Дерек слегка качнул головой, дав понять, что он не против. Как только она закрыла дверь в конференц-зал, прерывисто вздохнула, прислонившись к стене, массируя виски.

Напиваться вчера вечером, когда она на следующий день должна была работать, было не самой лучшей ее идеей, но шанс встретиться с Элис и отдохнуть был очень заманчивым предложением, поскольку встречались они не часто. Последний сеанс химиотерапии у мамы был слишком тяжелым, но теперь было более или менее хорошо, и она могла позволить себе остаться переночевать у подруги, пока Элис зависала где-то с парнями, и долгое субботнее совещание означало, что Рене заработает дополнительные наличные, чтобы оплатить все шоты с текилой. Итак, она сделала это, ушла, бросила свои обязанности, поскольку слишком много выпила вчера. Теперь расплачивается за это.

— Ах, принцесса, я надеялся, что похмелье не будет таким сильным, — она подняла голову, встретившись взглядом с Маркусом, стоявшим в конце коридора и наблюдавшим за ней с сочувствием.

Она выпрямилась и направилась к нему, отходя подальше от конференц-зала, чтобы Дерек не слышал голос своего брата.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, проскользнув мимо него в приемную.

Он следовал за ней попятам.

— Я подумал, заскочить и проверить, как ты себя чувствуешь.

Она почувствовала панику, вспоминая их губы, сомкнувшиеся друг на друге накануне. Прижавшиеся губы, одновременно с прижавшимися другими частями тела, и все шло... если бы он был чуть более трезв или, возможно, немного более пьян, она не была уверена, что было бы лучше. Она тут почувствовала, как стало краснеть ее лицо и быстро начала перебирать бумаги у себя на столе, пытаясь не смотреть Маркусу в глаза.

— Хорошо, со мной все хорошо, тебе не следует обо мне беспокоиться, — она кинула вымученную улыбку в его сторону, обходя его стороной, чтобы налить новую чашку кофе, хотя ее сердце колотилось, как загнанный зверек.

— Хм, — хмыкнул он, быстро двигаясь за ней и, упершись бедром на столешницу, на которой стоял чайник. — Я полагаю, ты решила от меня отделаться?

Она подняла на него глаза и увидела, как он плотно сжал губы и морщинку между бровями. Он явно был недоволен, но, на самом деле, чего он ожидал? Он знал также, как и она, что их поцелуй был колоссальной ошибкой.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду? — пробормотала она.

— Ты собираешься притвориться, будто мы не целовались прошлой ночью? Да?

Она вздохнула и наконец повернулась в его сторону. На долю секунды она заметила боль в его глазах, но потом в них отразилась его обычная уверенная беззаботность.

— Благовоспитательность, последуй моему примеру, — ответила она.

— Почему? Почему мы должны делать вид, что этого не было? Мне показалось, тебе понравился каждый миг того, что я делал, — он шагнул ближе, и она вдруг услышала свой собственный вздох.

Его голос стал ниже, грубее, гораздо сексуальнее.

— Я помню, как ты прижималась этой великолепной грудью ко мне и издавала эротичные стоны, когда я подхватил тебя за задницу.

Рене сглотнула, не в состоянии отвести взгляд от его сосредоточенного прожигающего взгляда-лазера.

— Выбирай выражения, — прошептала она.

— Может лучше поцеловать тебя, — ответил он, наклоняя голову ниже... ближе.

Хлопнула дверь, и голос Дерека разнесся по коридору.

— Мне наплевать, черт побери, есть ли у любого другого кандидата на всем восточном побережье любовница, у моего парня ее быть не должно. В какое дерьмо он вляпался, ему лучше выбраться или он никогда даже не будет сенатором от Великого Штата Вирджиния. Я позабочусь об этом лично.

Рене попятилась, смутение и разочарование на мгновение расфокусировали ее зрение. Маркус скрестил руки на груди и подарил ей кривую усмешку.

— Не собираешься бросить вызов старшему брату, да?

— Я не могу, — она посмотрела на него, желая, чтобы он правильно ее понял. Это не было в ее власти. Жизни близких ей людей зависели от нее, и ей было очень важно сохранить эту работу, Маркус, похоже, не понимал ее, она могла поспорить, что его собственные отношения с Дерексом были отличными.

Появился нахмурившийся Дерек, прижимая сотовый к уху. Он посмотрел на Рене и Маркуса, стоявших неловко в фойе.

— Подожди минутку, Тарек, — сказал он, опуская телефон. — Какими судьбами? — спросил он Маркуса, бросая подозрительный взгляд на него и Рене.

— Я решил заглянуть и поинтересоваться, не хочешь пойти на ланч, — Маркус был спокоен, как удав. Если бы Рене не знала реальной причины его присутствия, она никогда бы не догадалась, что он лжет. Почему-то эта мысль ее совсем не утешила. Как она может желать мужчину, который с таким мастерством способен обмануть самого опытного политического деятеля в Вашингтоне?

— Ты работаешь? — спросил Дерек.

— Да, поэтому у меня есть час.

— Прости, игрок. Мне придется, по крайней мере, еще час разгрести дерьмо парня из Вирджинии. Все утро мы обсуждали стратегию.

— Не беспокойся. Я делал репортаж у Верховного, — сказал он, имея ввиду здание Верховного Суда, которое находилось в нескольких кварталах от офиса Дерека, — поэтому решил заглянуть. Мы завтра посмотрим игру?

— Однозначно, — Дерек повернулся к Рене. — Ты делаешь кофе? Здорово. Мне показалось, что Дези Ромеро блеванет на мой стол из вишневого дерева. Вчера вечером он шлялся по барам с кучей помощников конгрессменов в Джорджтауне и напился вусмерть.

Рене рассмеялась.

— Я прослежу, чтобы этого не случилось, босс.

— Отлично, — он посмотрел проницательным взглядом на Маркуса. — Я должен вернуться к разговору, — он поднял руку с телефоном. — Увидимся завтра?

Маркус улыбнулся.

— Да. Звучит отлично.

Дерек кивнул и удалился в свой кабинет, снова о чем-то крича в телефон.

Рене схватила чайник и поднос с чашками, понимая, что это ее единственный шанс

спасти от Маркуса, если он снова начнет говорить с ней, снова наклонится или снова коснется ее. Она точно уступит. Как и прошлой ночью, а этого не должно было произойти.

— Спасибо, что заглянул, — прошептала она, двигаясь мимо него и направляясь в конференц-зал.

Он протянул руку и дотронулся до ее локтя. Она по-прежнему отказывалась на него смотреть. Она не могла на него поднять глаз.

— Это все?

— Так должно быть, — она стряхнула его руку и двинулись вперед по коридору, подальше от его прикосновений, влечений и желаний. В ее мире она не имела права желать.

Следующие дни, после отказа Рене, Маркус набросился на работу. Он гнался за сюжетом, работал по пятнадцать часов в сутки, жил, дышал и питался только новостями. Он быстро понял, что его предыдущий «горячий репортаж» послужил причиной, что он смог оказаться сейчас здесь — в ведущем агентстве новостей, но таких «горячих» новостей фактически больше и не было. Ему приходилось снова проявлять себя во всем и это было нелегко. К счастью, работа обеспечивала прекрасное отвлечение от «пляски с притопами», которую вытворяло его сердце. Он знал, что Рене была преданна своей работе, но он все еще чувствовал острую жалящую боль, насколько легко она дала ему отставку. Их поцелуй сместил весь мир Маркуса. Был мир до поцелуя и после. Все было то же, но и все было по-другому. Немного ярче, немного теплее, немного мягче. Но если бы она чувствовала тоже самое, она бы не отказала ему, и он бы не проводил ночи, вспоминая ее прикосновения и свои дни, пытаясь забыть ее.

Была только четвертая неделя на новом месте, когда ему сообщили, что он должен оперативно подготовить материал о автокатастрофе. Да, он был официально нанят в качестве политического репортера, но, когда что-то случилось в Вашингтоне непосредственно напротив Белого дома, это означало, что канал WNN должен быть на месте происшествия, даже если это всего лишь обычная автокатастрофа. Он подхватил Алекса, и они прыгнули в одну из передвижных ТВ-станций, отправившись на место происшествия.

— Что ты знаешь об этом? — спросил Алекс, двигаясь по многолюдным улицам рядом с Национальной аллеей ^[2]. Когда они обогнули западную сторону комплекса Белого дома, появившиеся перед ними мигалки и кордоны военнослужащих сообщили, что произошло что-то серьезное, не мелкое ДТП.

— Не много, — сказал Маркус, наблюдая за хаосом впереди. — Давай остановимся на обочине, вон прямо там. Я пообщаюсь с солдатами.

Алекс посмотрел на него и покачал головой.

— Ага. И сделать репортаж. Не думаю, что ты когда-нибудь общался с парнями из охраны Белого дома в Филли ^[3]. Эти ребята не размениваются.

— Доверься мне. Просто езжай. Остановись на тротуаре прямо там, чтобы мы не блокировали движение.

Алекс сделал, как предложил Маркус, потом положил руки на руль и уставился на мигающие огни в десяти ярдах перед ними.

— Пошли, — сказал Маркус. — Начнем и убедимся, что у конкурентов не будет «Отличных Новостей» раньше нас.

— Десять, девять, восемь, семь...

— Зачем ты считаешь? — спросил Маркус, с замешательством поглядывая на Алекса.

— Три, два, один.

Маркус подскочил на сиденье, когда солдат с автоматом постучал в окно рядом с ним.

— Мне нужно, чтобы вы вышли из машины, сэр, — скомандовал солдат.

Маркус открыл дверь и вышел.

— Руки на голову, пожалуйста, — продолжил солдат. Маркус услышал, как другой солдат, тоже самое говорил Алексу с противоположной стороны автомобиля.

Двое вооруженных мужчин, одетых в форму спецназа, подбежали к фургону с передвижной ТВ-станцией, один из них был с большой немецкой овчаркой.

— Вы понимаете, что это незаконно парковаться на общественной пешеходной дороге? — спросил Маркуса солдат, обхлопывая его.

— Да, сэр, — ответил Маркус. — Но мы с канала WNN и нам необходимо подобраться как можно ближе, чтобы сделать репортаж, и свое оборудование мы можем перемещать только так.

Солдат достал бейдж из внутреннего кармана пиджака Маркуса и посмотрел на него.

— Как бы то ни было мистер Эмброуз...

Маркус постарался сдержать свою ухмылку, потому что солдат явно узнал *это* имя.

Воспользовавшись паузой, Маркус вставил.

— А полковник Тибодо сегодня здесь? Он может поручиться за меня, — произнес он, ссылаясь на близкого друга своего брата, директора по внутренним операциям в Пентагоне.

— Вы как-то связаны с Дерексом Эмброузом? — спросил солдат.

— Да, сэр, я его брат.

— Минуту, пожалуйста, — солдат отошел, не спуская внимательного взгляда с Маркуса. Он стал говорить в свою рацию короткими фразами, кивая в ответ. Вернувшись, он крикнул трем солдатам, осматривающим каждый квадратный дюйм их фургона. Все они подошли к нему и встали рядом, а также привели Алекса.

— Наши извинения за задержку, мистер Эмброуз. Я оставлю Джонсона..., — он указал на одного из мужчин с собакой, — у вашего фургона, чтобы он охранял его. А капрал Эндрюс проводит вас к месту происшествия и ответит на любые ваши вопросы. Полковник Тибодо просил передать: «Добро пожаловать в Вашингтон», сэр.

Маркус открыто улыбнулся.

— Спасибо, сержант. Я ценю вашу помощь, — Алекс достал оборудование из фургона, и они последовали за капралом Эндрюсом, который вел их через кордоны военных, агентов ФБР, жужжащих как пчелы, вокруг семи столкнувшихся автомобилей. Алекс наклонился и прошептал:

— Как ты это провернул?

Маркус всего лишь улыбнулся, наслаждаясь таким легким решением вопроса, он решил не раскрывать свои каналы.

— Вот, что значит иметь друзей среди высоких чиновников, — ответил он.

— Ты не хочешь выбрать постоянного фотографа для работы? Я желал бы быть этим парнем. Просто знай об этом, в случае, если ты надумаешь.

Маркус не отрывал глаз от столкнувшихся машин перед ними.

— Покажи мне, насколько быстр ты в работе, и мы поговорим об этом.

— Ты не пожалеешь, — сказал Алекс, настраивая свою камеру на плече.

— Расскажите мне, что у нас здесь произошло? — спросил Маркус военного.

— Семь автомобилей. Мы прошились с собаками, взрывчатых веществ не обнаружено.

Похоже, подростки были за рулем в нетрезвом виде и протаранили стоящий лимузин. А потом сработал эффект домино. На сегодняшний момент уже четверо подростков направлены в больницу, и есть двое в тяжелом состоянии, но остальные отделались легко.

— Обычная авария, да? Никакого терроризма? Без конгрессменов и сенаторов? — рассмеялся Маркус.

— Похоже на то, сэр. Президент пыталась выйти, чтобы как-то проконтролировать этот процесс, но личная охрана не позволила ей. Это похоже единственное политическое событие, которое нам удалось увидеть, — он нарушил свое стоическое выражение солдата на мгновение ухмыльнувшись.

— Спасибо, — произнес Маркус, пожимая руку капрала. Он кивнул Алексу. — Все в порядке. Давай снимай.

Маркусу нравился азарт погони за историей, был столь же захватывающим, как и бегать за женщинами. Стоило ему оказаться на месте происшествия, адреналин резко повышался, сердце колотилось, и он чувствовал себя живым. Это было лучшее в мире ощущение. Ну, может, второе лучшее ощущение.

Он пробирался сквозь толпу, проталкиваясь более коротким путем среди менее агрессивных журналистов. В оставшихся шести футов он смог разглядеть над головами всю картину в целом. Четыре машины были слегка помяты, но три других представляли из себя искаженную массу металла, вокруг которых были спасатели, пытаясь вытащить ребят. Он задался вопросом, предполагает ли команда спасателей живы ли там люди или нет. Во время работы в Филли ему доводилось видеть довольно ужасные вещи во время аварий и пожаров, но он никогда не был настолько рядом с местом происшествия, в самом эпицентре событий, поэтому у него все-таки появилась тошнота, когда он должен был рассказать о настоящей бойне, которая раскрылась перед ним.

Он сделал глубокий вдох и приготовился.

— Давай, — наставлял его Алекс, развернувшись к старинному Oldsmobile Cutlass который сложился чуть ли не в пополам на тротуаре у лужайки Белого дома. Он перешагивал через битое стекло и искореженные части металла, кивая в знак одобрения, заметив мимолетно, что Алекс все снимает. Он подошел к машине, рядом с которой трудились спасатели, и ему показалось что-то знакомым в старом пикапе Subaru, но он не мог точно вспомнить что именно.

Алекс точно следовал за ним, на шаг позади, поэтому он видел тоже, что и Маркус, но при этом снимал. Телесеть распространит отснятый материал вместе с репортажем Маркуса по всей стране, как раз во время ночных новостей по всем часовым поясам.

В десяти футах Маркус увидел, как работают спасатели, но был еще достаточно далеко, чтобы разобрать, что там происходит. Под прожекторами, которые они установили, вся площадь купалась в холодном белом свете, который глушил любой цвет, кроме темных пятен крови, размазанных в разных местах по асфальту. Он остановился и посмотрел, чувствуя с левой стороны от себя Алекса, готового броситься в самое пекло. Спасатели использовали «Челюсти жизни» и делали все, чтобы открыть дверь со стороны водителя. Маркус повернулся к Алексу, поправил галстук и протянул руку, чтобы взять микрофон.

— Ты готов? — спросил Алекс.

— Да, — ответил Маркус, но прежде чем он успел заговорить на камеру, раздался скрежет металла у него за спиной. Он опять повернулся туда, спасатели сорвали последнюю

металлическую деталь машины и стали вытаскивать водителя. Маркус увидел молодого парня, его руки и ноги самопроизвольно болтались, похоже, что он был или в бессознательном состоянии или мертв. Толпа вокруг задержала дыхание, пока подростка, наконец, вытащили из перекоренной машины. На его волосах была кровь, одежда была разорвана, в некоторых местах еще торчал металл и стекла, несомненно, у него на лице и руках тоже могли быть осколки. Потерпевшего уложили на носилки и покатали прочь от покореженной машины.

Маркус взглянул на него, как только носилки проезжали мимо, он в упор смотрел в лицо Дэвида Эриксона.

Рене влетела через двери больницы, ничего не видя перед собой от ужаса. Ей позвонил Дерек, она даже не спросила, почему или откуда он узнал. Он сообщил, что произошла ужасная авария перед Белым домом, и Давид был доставлен без сознания в больницу. Спасателем пришлось применить «Челюсти жизни», чтобы вытащить его из машины. Рене испытала ужасную боль, словно ее сердце разбилось на тысячу осколков. Она не стала будить маму, поскольку мать ничем не могла помочь, ей станет только еще хуже от этого стресса.

— Пожалуйста, — крикнула она женщине, стоящей за стойкой регистрации в лобби центра неотложной скорой помощи. — Мой брат был доставлен сюда. Авария. О Боже, ему всего семнадцать.

— Сожалею, мэ, но мне необходимо больше информации, чтобы найти его среди пострадавших и информировать вас о его состоянии здоровья. Прошу вас, заполните эту форму..., — она передала ей клипборд с прикрепленной анкетой, — на первой странице и на обороте, и мы сообщим вам о его состоянии как можно скорее.

Рене стояла, словно контуженная, тупо пялясь на форму у себя в руке. Слезы уже наполнили ее глаза, и она поняла, что никак не в состоянии остановить их.

— Вот, — сказал мужской голос позади нее. Она повернулась и обнаружила Маркуса, со страданием смотревшего на нее, это было последней каплей. Она расплакалась, и рыдания выходили из нее с такой силой, она даже не могла предположить, что такое возможно.

— Господи, — прошептал Маркус. — Иди сюда. — Он крепко обнял ее за плечи, осторожно забрал клипборд из ее рук и направился с ней на диванчик, стоящий в дальнем конце зала ожидания.

Посадив ее и пододвинув к ней коробку с бумажными салфетками Kleenex, он сказал:

— Я сейчас вернусь и отведу тебя к нему. Обещай, что будешь ждать меня здесь? — она кивнула, все еще не в состоянии говорить, пытаясь дышать, чтобы успокоиться. Внутри испытывая жуткий страх и боль, она словно заморозилась и больше ничего не чувствовала. Ей казалось, что когда она узнала о диагнозе своей матери, никогда раньше она не была так напугана и думала, что хуже быть уже не может. Оказывается, она ошибалась.

Появился Маркус, к Рене вернулась способность соображать, слезы отступили, и она вновь обрела способность дышать. Она усердно старалась сдерживать дрожь, колотившую ее, и сохранить чистый ум, чтобы понимать, что он ей говорил. Он сел рядом и взял ее за руку, убрав скатившуюся прядь с ее лица.

— Кое-кто придет сюда через пару минут, чтобы точно рассказать о состоянии Дэвида. Может мне что-нибудь тебе принести? Воды или кофе?

Рене отрицательно покачала головой.

— Нет, спасибо. Но как может ко мне кто-то выйти, если я не заполнила формы?

— Позволь мне позаботиться об этом. Ты же будешь держаться, чтобы понять, что тебе будет говорить врач.

Она кивнула.

— Дерек тоже позвонил тебе? — спросила она, вернувшись к здравомыслию и задав вопрос, удивляясь про себя, что ее спаситель делает здесь.

Маркус почесал голову и сочувственно посмотрел на нее. Наконец, он наклонился вперед, поставив локти на колени.

— Нет. Я звонил ему, — он посмотрел ей в глаза, с сочувствием. — Я был там, делал репортаж.

— О, Боже мой, — она поняла, что он все видел, видел, как вытаскивали Дэвида из покореженной машины. — Ты видел его?

Маркус медленно кивнул.

— Да. Не буду врать, Рене. Все выглядело не очень хорошо.

Она прижала руку ко рту, пытаясь заглушить начавшиеся всхлипывания.

— Хорошо, — с трудом пробурлькала она.

— Мистер Эмброуз? — они оба подняли головы, перед ними стоял молодой доктор, с вымученной улыбкой на усталом лице.

Маркус встал, помогая подняться Рене, обняв ее за плечи, чтобы как-то поддержать.

— Да, это сестра Дэвида Эриксона, Рене. Ей необходимо узнать о состоянии брата.

Молодой врач кивнул.

— Ваш брат был доставлен сорок минут назад, у него тяжелые травмы вследствие автомобильной аварии. Он был без сознания, когда прибыл, мы сейчас проводим осмотр на предмет внутренних повреждений, включая отек или кровоизлияние в мозг.

— Это плохо, да? — спросила Рене, ее глаза обратились к Маркусу, а потом опять перешли на доктора. — Опухоль головного мозга или кровоизлияние, это, на самом деле, ужасно, да?

— Может, но я не хочу заранее паниковать, сейчас единственное, что нам известно — у него сломана щиколотка и, похоже, пара ребер. За следующие сорок пять минут мы сможем получить больше ответов.

Маркус поблагодарил доктора и снова опустился с Рене на диван.

Холод проскальзывал ей под кожу, она не хотела знать ответы, так как боялась этих результатов обследования. За время, проведенное в больницах, она поняла — ей оставалось только ждать, поэтому молча сидела, готовая принять все, что произойдет дальше.

— Спасибо за то, что ты привел сюда врача, — автоматически произнесла она, пока адреналин накапливался в ней. — Похоже, что ты прямо с работы. Пожалуйста не чувствуй себя обязанным оставаться здесь со мной. Я справлюсь. Я уже привыкла к больницам, сидеть и ждать в зале ожидания.

— Да? — Маркус приподнял бровь. — Дэвид постоянно ломал кости?

Рене негромко рассмеялась.

— Нет, на самом деле, он был очень милым и добрым парнем. Знаю, сейчас это кажется немного сумасшедшим, но он был хорошим... даже сладким. Веселым.

У нее в груди что-то заныло от воспоминаний о Дэвиде, его мягких золотых волосах, лежащих с ней рядом на подушке.

— *Нэй, Нэй?*

— *Да, малыш?*

— *Мне нравится спать с тобой намного больше, чем одному.*

— *Мне тоже, малыш.*

Она села прямее, пытаясь избавиться от воспоминаний.

— Нет, мои посещения больниц начались намного позже, в основном, в последнее время, — она сделала глубокий вдох. — У моей мамы обнаружили рак молочной железы, довольно прогрессирующий, были операции, облучение, химия, в общем все, что делается в таком случае.

Маркус молчал пару минут, и Рене захотелось забрать свои слова обратно и вернуться в то время, когда она была простой красивой девушкой и на нее заинтересовано поглядывали парни, и она не представляла объект жалости, как сейчас.

— Это звучит несколько грубо, но объясняет, почему ты так переживала из-за Дэвида.

Рене фыркнула.

— Ну, сегодняшняя день показывает какую «великую работу» я проделала.

— Эй, — он поднял ее за подбородок, повернув ее лицо к себе. — Тебе сколько? Двадцать два?

Она кивнула.

— И ты заботишься о своей матери и брате подростке? Ты, черт побери, настоящая героиня в моих глазах. Я не могу передать словами, насколько восхищаюсь тобой. Мои родители уже люди в возрасте, они хорошие, солидные люди среднего класса, у них не много денег, и нет высшего образования. Дерек единственный, кто получал стипендию в Корнельском университете, закончил его с отличием и заработал несколько сотен миллионов долларов. Он заплатил за все, чего я достиг, начиная, когда мне было шестнадцать. Без него я бы был ничем сегодня. Без его поддержки, его денег, его ожиданий. Старшие братья и сестры, такие, как ты и Дерек — удивительные, ты совершенно не виновата в том, что сегодня произошло с Дэвидом.

Она глубоко вздохнула, впитывая его слова, его уважение, и его восхищение и ее замороженное сердце стало немного таять от его теплоты. В течение последних шести месяцев некоторые из подруг ее матери говорили, что она потрясающая дочь и сестра, но большую часть времени она не думала так, зарабатывая деньги для семьи, делая какие-то сбережения, теряя связь со своими друзьями-студентами, кроме Элис, по институту, а также теряя отношения со своим братом. Она не понимала, настолько она нуждалась в ком-то, кто понимал ее и мог просто ей сказать, что да, было трудно, но она проделала хорошую работу, или, по крайней мере, она сделала все, что в ее силах, и это не ее вина, если что-то пошло не так.

— Спасибо, — она сжала руку Маркуса. — Ты даже не представляешь, насколько важно для меня это было услышать.

— Я готов говорить тебе об этом в любое время, когда потребуется. Просто дай мне знать. А насчет уехать мне отсюда? Нет. Пока ты будешь здесь, я тоже буду.

— Тебе следует вернуться к работе, — продолжила она.

— Неа. Там делается все без меня. И Дерек тоже заскочит сюда, как только сможет. Он сейчас занят, но я обещал ему, что буду здесь с тобой, — он внимательно посмотрел на нее, оценивая услышит ли она его. — Может стоит еще кому-то позвонить, кого ты хотела бы пригласить? Твоего отца? Парня?

— Нет, — тихо ответила она. — Мой отец ушел от нас очень давно, и после той ночи в баре, думаю ты понял, что у меня нет парня. Когда я... ну, для него все мои проблемы оказались слишком большими. А сейчас, они еще больше усугубились. Поэтому думаю, это даже и к лучшему. Не думаю, что я бы справилась еще и с ним, пытаюсь все это как-то разрулить.

Она вспомнила ту ночь, когда Райан расстался с ней.

— Мне жаль, Рене, — сказал он и его голубые глаза заблестели. — Я не могу исправить эту ситуацию. Пойми, я хочу быть здесь с тобой рядом, но знаю, что не совсем подхожу к этой роли. Я едва вспоминаю не забыть покормить свою собаку. Я не готов быть своего рода твоим парнем... но готов быть единственным, кто поддержит тебя, когда твоя мама умирает.

Она закричала на него, готовая разорвать его на куски, не по тому, что он дал ей отставку, а из-за его безнадежного прогноза по поводу ее матери. Он думал, что ее мать должна умереть, Рене могла простить ему отказ, но она не могла простить его неверие.

Она увидела что-то похожее на разочарование на лице Маркуса, когда она сказала, что у нее нет времени на отношения, но потом его теплая улыбка вернулась, и ее изнеможение стремительно было уничтожено и на смену пришло желание увидеть Дэвида и надежда, что с ним будет все хорошо.

— Уверена, что не хочешь что-нибудь выпить? — спросил Маркус, ему явно требовалось подвигаться.

— Чашку кофе было бы здорово, если ты не против?

— Я не против, — сказал он, поближе к ней наклоняясь и пристально рассматривая ее губы. — Я не возражаю.

Вопреки всему она чувствовала, как ее словно притягивает к нему, как к магниту, будто она была каким-то куском железа. И где-то в потаенном месте мозга, она понимала, что должна испытать к нему иммунитет, тем более в такой момент. Она пришла в ужас, ее мутило при мысли о том, что может произойти с ее братом, но обещание в глазах Маркуса было вполне достаточными, чтобы рассеять даже самую глубокую боль. Она смотрела на его насыщенные темные глаза, облизнула губы, движение, от которого выражение его лица еще более стало напряженным, голодным, все его тело подалось вперед.

Но в этот самый момент она поняла, что что-то с силой притягивает ее к нему, и она наклонилась ближе, пока не остались считанные миллиметры до его губ, как голос над ними произнес:

— Что, черт возьми, происходит Маркус? Я говорил тебе *позаботиться* о ней, а не *воспользоваться* ею.

Маркус напрягся от голоса брата, который словно вылил на него ведро холодной воды, тут же остудив весь жар, исходивший от его тела.

Он откашлялся и откинулся на спинку диванчика, увеличивая расстояние между собой и объектом своего желания. Стараясь выглядеть вполне непринужденно, он посмотрел в хмурое лицо Дерек.

— Эй. Ты что-то сказал? — спросил Маркус, с застывшей ухмылкой на лице.

— Я разберусь с тобой через минуту, — рявкнул Дерек. Затем совершенно другим тоном, более нежным и заботливым, который Маркус слышал крайне редко, обратился к Рене. — Как ты? Тебе уже сообщили что-нибудь о его состоянии?

— Они проводят обследование. Они проверяют на внутренние повреждения, в том числе опухоль мозга, — ее голос дрогнул, и Маркус обнял ее за руки, наблюдая за ее борьбой, как она сжимала их вместе.

«Бл*дь, Дерек», — подумал Маркус. Он не собирался отступать и продолжит заботиться об этой женщине. Она нуждалась в нем. Если он не поможет ей, то кто? Ее мать, лежащая дома? Ее брат, который может стать в последствии овощем? Или, может, ее отец, который даже не удосужился вырастить своих детей? Нет, Рене был просто необходим кто-то, и, черт возьми, Маркус хотел быть этим кем-то.

Дерек сел на диванчик с другой стороны от Рене и неуклюже погладил ее по спине.

— Он молод, в этом возрасте все быстро заживает, и эта одна из лучших травматологических клиник в стране.

Рене посмотрела на него, потом на Маркуса, ее брови сошлись в замешательстве.

— Я задавалась вопросом, почему он оказался здесь, а не в Линкольн центре. Я имею в виду, он как раз находится дальше по улице от места аварии. Вы что-то предприняли? — спросила она их обеих одновременно.

— После того, как я его увидел..., — сказал Маркус, бросая взгляд на Дерек. Он не был уверен, сколько он может рассказывать. Обычно его брат испытывал кайф, манипулируя обстоятельствами, чтобы подвести их под свои интересы, но Маркус не был уверен касалось ли это ассистентки его брата.

— Я посчитал, что не будет ему в ущерб тут же отправить его в лучшее место, — вставил Дерек. — Возможно, это перебор, но как только Маркус позвонил, я принял меры. У меня в Пентагоне работает друг, и он был на месте аварии, так как был рядом с Белым домом.

Глаза Рене сверкали невыплаканными слезами, и она прижала руку ко рту также, как и раньше, сдерживая свои всхлипывания. Она быстро кивнула, потом прошептала:

— Спасибо. За все.

Дерек ничего не ответил, обнял ее за плечи и дал ей выплакаться. И хотя со стороны выглядели его объятия по-братски, но в Маркусе стал подниматься гнев.

— Теперь, — сказал Дерек, вставая. — Почему бы мне не разворошить это осиное гнездо и не получить новую информацию?

— О, да, это было бы здорово, — ответила Рене, и надежда осветила ее лицо.

Маркус поднялся, стоя лицом к лицу к Дереку, пользуясь случаем, ясно сказать брату, что он собирается сделать.

— Я собираюсь остаться здесь, пока мы не услышим окончательный диагноз, а потом прослежу, чтобы Рене благополучно добралась домой, — его взгляд остановился на ледяных голубых глазах Дерек. Статный мужчина, стоявший перед президентами, главами корпораций и иностранными послами, своим взглядом мог сделать многое, но он только резко кивнул Маркусу и произнес:

— Хорошо, но не забудь, что я тебе сказал. Осторожно брат. Я не буду мириться, если меня кто-то дурачит.

Маркус прищурился и отвел взгляд в сторону, Дерек развернулся и зашагал к стойке регистрации.

— Вы всегда так напряжено общаетесь друг с другом? — хмурясь поинтересовалась Рене.

— Нет, обычно мы ладим. Он прочищает мне мозги, но от этого я не чувствую себя некомфортно. Напряженность появилась в последнее время, хотя нет никакой реальной причины.

— Почему? — спросила она, хотя ее тон сообщил, что она уже догадывается из-за чего это происходит.

Маркус понимал, что сейчас не самое удобное время для выяснения этого момента, но он не мог заставить себя смягчить удар, по крайней мере, не с этой женщиной, из-за того, что он чувствовал к ней.

— Из-за тебя, — тихо ответил он.

Рени резко выдохнула, собственное дыхание Маркуса замерло.

— Маркус, — сказала она ему умоляющим тоном. — Ты не должен так говорить. Тебе не следует, на самом деле, из-за какой-то глупости разрушать свои отношения с братом.

— Глупости? Ты думаешь, именно это и происходит? — спокойно поинтересовался он, будучи как на иголках, чтобы услышать ее ответ.

— А разве не так? — ее голос был наполнен таким страхом, и вдруг Маркус осознал, что был эгоистом, начав этот разговор. Она находилась в стрессе из-за своего брата, и точно была не готова услышать, что он влюблен в нее, не готова была услышать о его чувствах к ней, ведь стоило ему прикоснуться, он никогда так себя не чувствовал ни с одной женщиной, и никогда постоянно не думал ни об одной женщине, как о ней, и его больше никто и не интересовал.

— Ты права, я глупо влюблен в тебя, и Дерек не может переварить эту мысль, что я преследую тебя. Ему, почему-то кажется, что из-за одного свидания со мной ты уйдешь от него навсегда.

Он подтолкнул ее своим плечом, чтобы усилить шуточный характер своих слов. Она улыбнулась, и ее тело немного расслабилось, по крайней мере, ему так показалось.

— Ну, все зависит от того, где пройдет наше свидание?

Он посмотрел на нее с таким выражением, словно она предоставила ему сложный выбор.

— Думаю суши в Nefron, потом танцы в Turner Club.

— Суши? Ты думаешь, я люблю суши?

— А я прав?

Она поджала губы и отвела взгляд, стараясь не улыбаться.

— Я не буду отвечать, поскольку ты еще больше возгордишься собой, чем уже есть на самом деле.

— Я знал это! — его сердце заколотилось от удовольствия, именно сейчас, она, возможно, не могла слушать о его чувствах, но, по крайней мере, он уже что-то узнал о ней. И он хотел узнать больше, независимо от того, что думал его брат на этот счет.

Рене резко перестала смеяться, увидев Дерека, приближающегося к ним с хмурым и напряженным выражением на лице.

— Боже мой, — с дрожью в голосе произнесла она. — Что? Что ты узнал?

Дерек положил руку ей на локоть, Маркус встал рядом.

— Он на операции, они обнаружили кровоизлияние в мозг.

— О Господи, — прошептала Рене, оседая на Маркуса. Он быстро обнял ее за талию, поддерживая всем своим телом. — Нет, нет, нет. Этого не может быть, — повторяла она.

Дерек посмотрел на Маркуса, покачав головой, давая понять, что все было не очень хорошо. Сердце Маркуса упало, а живот скрутило от страха. Если Дэвид не перенесет операции, он понял, что потеряет Рене, она уже не будет прежней.

— Мы можем пройти в другую комнату ожидания, в крыло хирургического отделения. Ты будешь рядом, когда они закончат, так что сможешь узнать, как все прошло.

Втроем они стали пробираться к менее переполненному залу ожидания, Дерек остановил Маркуса в коридоре.

— Послушай, — сказал Маркус, как только дверь закрылась за Рене с другой стороны. — Я знаю, что ты собираешься мне сказать...

— Правда? Возможно, потому, что я говорил тебе это уже неоднократно? Или, может, потому что это именно то, что тебе стоит уяснить, чтобы я не повторял это постоянно.

Маркус почесал затылок, стараясь не реагировать на тон брата. Он никогда не видел, чтобы Дерек был таким мудаком. Дерек — наставник в его детстве и подростковом возрасте, просто испарился. Его место занял Дерек — политическая акула, мощная и властная.

— Если ты вдруг не заметил, я уже не ребенок, Дерек...

— Тогда перестань вести себя, как ребенок.

На этот раз Маркус, бросив на него раздраженный взгляд, прислонился спиной к стене в коридоре и уставился на флуоресцентные лампы над головой.

— Я не шучу. Я люблю ее. Она умная и искренняя, и сексуальная, как ад. Я бы хотел познакомиться с ней поближе. И не говори мне, чтобы я нашел кого-то другого. Такие девушки, как она, встречаются очень редко.

— Нет, — повторил Дерек, — пусть другой скажет, что она особенная, я не хочу, чтобы ты связывался с ней. У нее нет никого, кто мог бы позаботиться о ней. — Он помолчал. — Она напоминает мне Джессику, и кое-что происходит у нее в семье...

Маркуса передернуло. Джессика была их младшей кузиной, которая погибла на рафтинге в аварии. Дерек был тогда там, хотя и не на том же плоту, и он никогда так и не смог перебороть в себе чувство вины.

— У ее матери рак, — вдруг произнес Маркус.

— Она сказала тебе?

— Да. Это ужасно во всех отношениях.

— Итак, тогда ты понимаешь, почему тебе не стоит ввязываться во все это, Маркус. Я не только не хочу терять хорошего сотрудника, но я также чувствую ответственность за нее. Я не могу контролировать с кем она встречается вне работы, но если это мой собственный брат, которого она встретила у меня в офисе, который хочет с ней потрахаться, это моя ответственность и я ее чувствую.

Маркус разочарованно вздохнул. Он никогда не ощущал, чтобы его брат так сомневался в нем, когда вопрос касался любого другого аспекта его жизни. На самом деле, Дерек всегда был его самым большим сторонником и партнером во всем, он предоставил ему зеленый свет на все, чтобы Маркус смог чего-то достичь. Но его вера в младшего брата, очевидно, в этом вопросе не работала.

— Сейчас все, что я хочу сделать — помочь ей. Быть ей другом. Она заслуживает иметь кого-то в этом мире, особенно, если будет не совсем хорошо с ее братом, ей потребуется поддержка.

Дерек мгновение смотрел на него своими ледяными глазами, оценивая, просматривая и словно снимая слой за слоем кожу с его лица, чтобы дойти до сути.

— Хорошо, но есть условие.

— Я взрослый человек, в случае, если ты не заметил, и она тоже.

— Ты будешь взрослым, когда я перестану платить за твою квартиру и твою бежу, — резко произнес Дерек.

Дерьмо. Началось настоящее дерьмо.

— Первый же чек от меня придет к тебе через несколько дней, — выстрелил в ответ Маркус.

— Хорошо. Я перестану за тебя платить. Ты можешь быть другом Рене, но если я узнаю, что ты двинулся дальше, я перекрою тебе все источники в этом городе в одночасье.

Господи. Горло Маркуса запершило от ярости, он почувствовал привкус желчи.

— Что за черт в тебя вселился? Ты угрожаешь моей карьере? — Маркус покачал головой в недоумении, брезгливо пятясь от него. — О Боже мой, я понял. Ты имеешь на нее планы, не так ли? Ты просто настоящая скотина...

Рука Дерека тут же встала в блок, когда Маркус попытался его ударить.

— *В меня?* Что за черт вселился *в тебя?* Ты не смог побороть меня, даже когда ты был подростком. Думаешь коридор больницы лучшее место для разборок?

— Скажи мне, что это неправда. Скажи мне, что ты не хочешь Рене *для себя*, — голос Маркуса разнесся по коридору.

— Говори тише. Не устраивай сцен, ни один из нас не может себе этого позволить, — прошипел Дерек. — Конечно, я не заинтересован в Рене. Господи боже ж ты мой, я достаточно стар и гожусь ей в отцы.

Маркус фыркнул.

— Тогда все О'кэй, а двенадцатилетняя разница в возрасте не заметна, по крайней мере, по тебе не скажешь.

— Ну, я все-таки парень из семьи рабочего класса, штата Мичиган, и мама воспитывала меня не так, чтобы я использовал сладких молоденьких женщин, которые на меня работают. Так что нет. Повторяю... я не заинтересован в Рене. Но я заинтересован, чтобы уберечь ее каким-то образом от боли, если смогу все это предотвратить. Ты обещаешь мне или нет?

Маркус рассвирепел. Обычно он всегда делал то, что просил брат. Обычно он любил своего брата. Но сейчас, стоя перед Дерексом, он задавался вопросом, на самом ли деле его старший брат выполнит свои угрозы, и в тоже время удивлялся, что он впервые сражался за контроль интересов с Дерексом, невероятно контролирующим и влиятельным старшим братом, Маркус до конца не мог понять, как это случилось. На самом деле, весь сегодняшний день шел кувырком.

Он всплеснул руками, Дерек сложил пальцы в пистолет, наставив на него, что на самом

деле было не далеко от истины.

— Ты выиграл. Я не буду дотрагиваться до нее. Но я хочу быть ее другом... по крайней мере, пока эта хрень с Дэвидом не закончится.

Дерек резко кивнул.

— Мне нужно идти, я должен проведать своего любимого кандидата на президентское кресло перед тем, как отправлюсь домой, и мне рано вставать. Завтра будет адский день без Рене. Позвони мне, если что-то узнаешь

— Хорошо, позвоню.

— Увидимся, — Дерек приподнял один уголок губ в попытке улыбнуться, но Маркус даже не пытался улыбнуться ему в ответ. Он подошел к дверям зала ожидания и проскользнул внутрь, не оглядываясь на мужчину, который еще несколько дней назад был его лучшим другом всю его жизнь.

Рене пыталась проснуться, но она не хотела, единственная вещь, которая ей нравилась в данный момент, как кто-то пальцами расчесывал ей волосы, и она чувствовала тепло у себя под щекой. Она вздохнула. Господи, как ей нравился этот запах — цитруса и мыла, мужской. Он напоминал ей о чем-то, но о чем именно, она не могла вспомнить.

— Рене, — произнесла ее теплая подушка. — Рене.

Она постаралась выпрямиться и вспомнить, где находится. В больнице. Произошла авария с Дэвидом, и сейчас он после операции.

— Эй, — мягко произнес Маркус, и она поняла, что заснула у него на плече.

— Привет, — пробормотала она, задаваясь вопросом не слишком ли спутались ее волосы и не ощущает ли он ее совсем не свежее дыхание, пока спала в двенадцати дюймах от него.

Он заправил прядь волос ей за ухо, внимательно наблюдая за ней.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром?

Она оглянулась, ее глаза замерли на Дэвиде, который, как призрак, молча лежал на большой больничной койке. Она сглотнула желчь, накопившуюся в горле и соврала:

— Я в порядке, а как он?

— Он еще не приходил в себя, если именно об этом ты спрашиваешь.

— А уже приходили врачи, чтобы проверить его состояние?

— Нет, были только медсестры, — ответил Маркус, поднимаясь и потягиваясь, с хрустом вертя шейю назад и вперед, но это выглядело так сексуально, что Рене захотелось медленно облизать его шею. Может быть, когда-нибудь такая возможность представится. Да, когда вся ее семья не будет стоять перед вопросом жизни и смерти.

— Я пойду кого-нибудь найду. Посмотрим, может они расскажут нам что-нибудь новое, — сказала она, тоже вставая.

— Нет, нет. Позволь мне. Ты останешься здесь с Дэвидом, если он придет в себя, ему захочется увидеть знакомое лицо. Я схожу за врачом, а также принесу тебе завтрак из кафе. Есть что-нибудь, что ты не ешь?

— Нет. Но тебе не стоит об этом беспокоиться.

— Эй, — он наклонился, взглянув ей в глаза, — я сказал тебе, что все время буду с тобой. Я вернусь домой, только когда и ты вернешься домой, не раньше.

Она почувствовала, как что-то у нее внутри затрепетало, такое происходило каждый раз, как только Маркус смотрел на нее таким образом. Мужчина был криптонит, но она не могла пересилить себя и все время поглядывала на койку, на которой лежал ее младший брат, пострадавший в аварии. Боже, ей должно быть стыдно за себя.

— Спасибо, — она попыталась улыбнуться, он ушел, выглядя свежо и сексуально, как и накануне вечером. Она же выглядела ужасно расстроенной и помятой.

— О, Дэвид, — произнесла она, подойдя к кровати. — Как же нам все это пережить?

Прошло около двух часов, прежде чем появились врачи и поговорили с Рене. Новостей было не много. Дэвид был без сознания. Они остановили кровотечение, и мониторили внутричерепное давление. Оставалось лишь только ждать, когда он проснется.

— Ну, похоже, я еще здесь подожду, — сказала Рене, как только врачи ушли. Она

взглянула на часы на стене. Было почти девять, скоро проснется мама. Рене стоило вернуться домой и как можно мягче объяснить ей, что произошло с Дэвидом. Как она могла объяснить своей матери, что позволила произойти чему-то подобному?

Маркус пригубил кофе и кивнул.

— Ты готова поехать домой, чтобы переодеться? Я мог бы остаться здесь, если хочешь.

Она удивленно покачала головой, мужчина, которого она едва лишь знала, был так добр к ней. Именно этот мужчина — красивый, талантливый, добрый — поддерживал ее в такой ситуации и ко всему прочему, был слишком обаятельным, но она не лелеяла себя надеждой, что может сделать на него ставку. Она не могла себе позволить иметь с ним никаких отношений, хотя очень нуждалась в крепком плече, на котором могла бы выплакаться, а потом заснуть, но ей необходима была ее работа, и нужна она была намного больше, чем его плечо. Поэтому нет, Рене самостоятельно стоило регулировать и управлять своей жизнью, и несмотря на то, что Маркус Эмброуз весь день напролет заботился о ней. Да, именно так, она должна была контролировать свою одинокую жизнь, единственную жизнь, которая у нее была.

— На самом деле, я не могу позволить столько времени тратить на меня. Дэвид — это моя проблема. Я разберусь с этим, — бодро произнесла она, хотя у нее сжало грудь.

Маркус нахмурился.

— Мне казалось, что это мы уже проходили? Я останусь настолько, насколько сочту нужным.

— Но я не хочу. В тебе нет надобности, я думаю. Я даже не могу подобрать слова, чтобы поблагодарить тебя и Дерека за все, что вы сделали. Устроили в эту больницу, послали машину, чтобы забрать меня, ты оставался со мной здесь на всю ночь. Ты сделал больше, чем мог, но я действительно справлюсь сама. Я привыкла уже к врачам, ухаживать за кем-то. Со мной все будет в порядке, я обещаю.

Она приклеила на лицо улыбку, которая всегда останавливала любые дальнейшие расспросы, но он все же был в нерешительности.

— Последняя вещь, которую ты мог бы сделать для меня — вызвать такси. Я собираюсь поехать домой и рассказать все маме, а также взять свою машину.

Губы Маркуса превратились в одну жесткую линию, он был явно недоволен направлением ее разговора.

— Я на самом деле думаю...

— Нет, — резко прервала она его, потом вежливым тоном произнесла:

— На самом деле, ты сделал для меня очень много. Я в порядке.

Он выдохнул, слегка качнул головой, повернулся и направился к двери. Не оглядываясь, он пробормотал:

— Такси вот-вот подъедет.

— Спасибо, — ответила она, пока он выходил из палаты, она осталась одна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Забравшись в постель ночью, после аварии Дэвида, Маркус понял, что ему следует принять решение. Собирается ли он продолжать с Рене отношения или просто позволить ей отойти в сторону? Часть его твердила, если она на самом деле была ему не безразлична, то он должен оставить ее в покое. Отойти и дать ей пространство, в котором она явно нуждалась. В данный момент она испытывала стресс со всех сторон — семья, работа,

финансы. Но другая его часть, именно та часть, которую так усиленно в нем тренировал Дерек, говорила никогда не сдаваться. Если ты хочешь что-то получить, ты должен упорно стремиться к этому. Будь это женщина, работа или потрясающий особняк в Джорджтауне, который Дерек подыскал себе несколько лет назад.

Лежа в темноте, Маркус вспоминал о ее шелковистых волосах и пухлых губах, милом смехе, когда она хихикала, выпив слишком много текилы, ее взгляде, как она смотрела на своего брата, лежащего на больничной койке.

— Черт, — пробормотал он, ударяя свою подушку и перекатываясь на спину, его рука автоматически опустилась к затвердевшему члену.

Он медленно поглаживал его, размышляя о своей жизни за последние десять лет. Он считал себя специалистом в трех направлениях — политике, СМИ и женщинах. И в данный момент именно последнее направление говорило ему остановиться, прежде чем он зайдет с Рене дальше. Потому что во всех своих многочисленных моментах с противоположным полом, никогда еще он не чувствовал себя так и никогда не задавался таким вопросом — стоит ли ему отойти в сторону или нет, ответ всегда был однозначным — устроить охоту, да, но он никогда и не встречал такую, как Рене. Он не мог даже представить другую женщину, способную так справляться со стрессами, и это в ее то возрасте. И противостоят всему с таким милосердием и состраданием, присущими только ей — это была чертовски особенная комбинация.

Его дыхание участилось, а рука стала гладить член быстрее и сильнее. Он отмел все мысли, мозг стал пустым, отдавшись полностью ощущениям — ее шелковистым волосам, ее гладкой коже, ее мягким губам. Его спина изогнулась, он зарычал от сильного освобождения, такого оргазма он обычно даже не испытывал с реальными партнершами.

— Черт, — прошептал он в темноту. И понял, что не сможет отойти в сторону. Неважно, что своим решением он совершенно не упрощал жизнь Рене, но он не мог оставить ее, по крайней мере не сейчас. Фактически, он начинал уже думать, что никогда не сможет оставить ее.

Маркус быстро обнаружил, что преследование Рене являлось проблемой. Дерек предоставил ей полторы недели выходных. Она пришла в офис на полдня, в полдень, Маркус был занят в агентстве новостей, поэтому не смог заскочить к своему брату, когда она вернулась в офис. Он пытался отправлять ей смс-ки и звонить, но каждый раз, открывая голосовую почту он получал односложные сообщения, которые сводились к тому, что она в порядке и состояние Дэвида улучшается. Именно Дерек позвонил ему, а не Рене, когда Дэвид, наконец, проснулся.

Но спустя три недели, в редкий выдавшийся выходной, он проходил мимо офиса своего брата и увидел блондинку, о которой так и не смог перестать думать, стоявшую у входа в здание.

— Привет, — произнес он, ухмыляясь, подходя к ней, его взгляд тут же стал ярче.

Ее щеки приобрели розоватый оттенок, и его страдающее сердце тоже взыграло, потому что он встретил ее.

— Маркус, как ты?

— Теперь лучше, — он улыбнулся, а она закатила глаза. — Ты домой?

— Да. Сегодня Дэвида отправили в реабилитационный центр, поэтому я могу спокойно отправиться домой, а не в больницу.

Он наклонился и подхватил ее сумку с ноутбуком, и махнул рукой в сторону своей машины. — И как он себя чувствует? Он полностью восстановиться?

Она улыбнулась, и ее улыбка озарила улицу вокруг них.

— Должен. Дерек оказался прав про его возраст, он, на самом деле, быстро поправляется. Врачи поражены его успехами.

— Что же произошло на самом деле? — осторожно поинтересовался Маркус, не собираясь ее расстраивать, пока она, и это было столь очевидно, светила счастьем. — Будет ли он привлечен к уголовной или финансовой ответственности за эту аварию?

Рене вздохнула и поджала губы.

— Несмотря на то, что это была машина Дэвида, он не был за рулем, слава Богу. Поэтому наш страховой агент сказал, что он не несет никакой ответственности. Но его друг, сидевший на водительском месте, вероятно, отправится в тюрьму. Все они были очень пьяны, — она вздрогнула на осеннем воздухе, словно ее пробрала дрожь.

Маркус протянул руку и коснулся ее руки. Слегка, еле дотронувшись, через рукав пальто, но почувствовал, как искра устремилась к нему в пах и понял, что сделает все, чтобы получить от нее больше. Он огляделся, отчаянно выискивая любое оправдание, пытаясь как-то увеличить время столько короткого пути к его машине.

Впереди он заметил ирландский паб.

— Думаю, что новость настолько хорошая, ее стоит отметить. Может ты выпьешь что-нибудь со мной и съешь бургер? — он указал на неоновую вывеску, которая находилась в нескольких шагах от них.

Он заметил ее внутреннюю борьбу, словно она обдумывала его предложение со всех сторон — стоит ей рисковать или нет? Она быстро окинула взглядом улицу, проверяя не видит ли ее кто-нибудь из офиса и не сообщит ли потом Дереку.

— Эй, — мягко произнес он. — Никаких скрытых мотивов, на самом деле. Помнишь, я же был там, когда они вытащили его из груды металла, и, естественно, мне хочется отпраздновать, что он идет на поправку. И это выглядит вполне логично, что мы пойдем праздновать вместе.

Она засмеялась, мягко.

— Ладно, ты победил. Но я не смогу остаться надолго, мама неплохо себя чувствует на этой неделе, но мне хочется все равно проверить, как она, прежде чем ляжет спать.

— Не беспокойся, ты успеешь, — усмехнулся он, открывая дверь в паб. Он торжествовал. Сегодня, явно был его день.

Прошло полтора часа, но Маркусу все же удалось заставить Рене съесть рыбу, чипсы, выпить пиво и сыграть несколько раз в дартс. Ее глаза блестели, щеки порозовели, а он окончательно потерял голову, такого с ним еще не было. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ему настолько нравилось проводить время с женщиной.

— Ты просто акула в дартсе, — сказал он, показывая на нее пальцем, стоило ей захлопать в ладоши и забрать его пятидолларовую купюру со стола.

— Что значит «акула в дартсе»? — спросила она, доставая выигранные купюры из своего кармана и добавив к этой кучи еще и его пять баксов.

— Тоже самое, что опытный картежник, но в дартсе. Ты обманула меня, заставив предположить, что не умеешь играть.

— Нет, все не так, это ты предположил, что я не умею играть в дартс, потому что я

женщина. Я тебе ничего такого не говорила.

Он сделал вид, что обиделся, подыгрывая своей уязвленной гордости для пушного эффекта. Дело в том, что он тоже умел играть в дартс, практически он специализировался по нему в университете, но он позволил ей выиграть. В первый же момент, как только он увидел, насколько она была взволнована и возбуждена игрой, он не мог позволить ей проиграть. И он должен был признать, что каждый раз, когда она радостно прыгала на месте от триумфа, он видел, как подпрыгивала ее великолепная грудь под плотным свитером. Это была беспроегрывная игра, в своем роде, и, однозначно, стоила двадцати баксов, которые он проиграл.

— Ну, поскольку моя гордость задета, тебе придется выпить со мной еще одну пинту, или я буду дуться еще несколько дней.

— Оооо, — она погладила его по щеке. — Бедный малыш. Лучше я буду наблюдать, как ты пьешь. Мне нужно еще добраться домой на своей машине, поэтому я больше не пью.

— Хорошо. Хочешь содовой или что-нибудь еще?

— Неа. Я схожу в дамскую комнату, пока ты будешь заказывать. Встретимся здесь.

Маркус пробирался через зал к бару, между столиками припозднившейся толпы служащих, чтобы сделать заказ и стал ждать. Он смотрел спортивный канал по телевизору на стене бара, когда гортанный голос воскликнул ему на ухо:

— Ну, вы только посмотрите на него, это же мой любимый золотой мальчик WNN. Ты здесь один, морячок?

Он повернулся и увидел Триш Андерс, хлопающую на него накладными ресницами.

— Привет, Триш. Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я могу задать тебе тот же вопрос. У тебя выдался свободный от работы вечер? Или твой фотограф отправился в самоволку?

— Неа. Свободный вечер.

Она пробежалась пальцами по его руке и положила руку ему на плечо, прислонившись к нему бедром, заманчиво облизывая губы.

— Разве это не прекрасное совпадение? У меня завтрашнее утро свободно. Это означает, что я могу вдоволь выспаться. Не хочешь присоединиться ко мне?

Маркус чуть не поперхнулся пивом, который передал ему бармен. Он опустил на стойку бокал и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ну, ты не ходишь вокруг, да около.

— О, я тебя умоляю. Такой парень, как ты? Я слышала о твоей репутации. Маркус Эмброуз с полным кортежем журналисток. Ты оставил за собой след разбитых сердец от Филли до Вашингтона, но я именно то, что тебе нужно. Мое сердце не разобьешь.

Маркус хмыкнул, она прижала руку к его груди и потерлась о него своим телом.

— Но у меня есть удивительные столбики на кровати размера кинг-сайз Калифорния и шелковые ленты, которые только повышают возбуждение. Давай, золотой мальчик, заставь золотую девушку прокричать твое имя сегодня ночью.

— Маркус? Можно мне забрать ключи? Мне на самом деле уже пора идти.

Маркус обернулся и увидел Рене, стоящую в двух шагах и разглядывающую Триш, на ее красивом лице отражалась боль и растерянность.

Он попытался повернуться к ней, но Триш удерживала его на месте, схватив за рубашку, словно от этого зависела вся ее жизнь.

— Ты не представишь меня своей подруге? — промурлыкала Триш.

— Ключи? — повторила Рене.

Маркус сглотнул, застыв, как идиот, не способный нормально соображать, с трудом заставляя себя двигаться. Он полез в карман, в котором у него находились ключи от машины Рене, она выхватила их из его рук и развернулась на каблучках.

— Рене! — позвал он, наконец-то высвободившись от Триш.

— Маркус? Ты так и оставишь меня здесь? — поинтересовалась Триш.

— Прости, — ответил он, оглядываясь на нее. — Ничего не получится. Ты впустую тратишь свое время.

К тому времени, когда он пробрался сквозь собравшуюся толпу и столики, Рене ушла. Он вырвался на улицу, на свежий осенний воздух, даже не заметив холода, судорожно взглянув сначала влево, потом вправо, пытаясь разглядеть, куда она могла деться. Когда он, наконец, заметил ее хрупкую фигурку, почти бегомдвигающуюся по тротуару и переходящую 7-ю улицу, он рванул с места, обгоняя группы людей и уворачиваясь от неожиданно паркующихся автомобилей. Он завернул за угол и заметил, как она вошла на парковку.

Он нагнал ее, когда она стояла в лифте, и двери закрывались.

— Черт! — прокричал он бетонным стенам. Он наблюдал, как зажегся номер следующего этажа на панели, пока лифт не остановился на четвертом этаже, он повернулся и побежал к лестнице, перескакивая через две ступеньки, достигнув нужного этажа, ворвался через дверь лестничной клетки. Рене стояла в нескольких шагах от него, возле лифта, выглядя немного растерянной и такой ранимой.

— погоди, — сказал он, пытаясь отдышаться, медленно подходя к ней.

— Ты гнался за мной, — ответила она.

— Почему ты ушла?

Она смотрела в сторону, словно не могла встретиться с ним взглядом.

— Мне показалось, что ты занят, и я не хотела прерывать ваши планы на эту ночь.

Он протянул руку, она отпрянула.

— Рене, — его голос был низкий, грубый, с мольбой. — Это не то, что ты подумала.

Она горько рассмеялась.

— Все меняется, — она замолчала. — Но даже, если бы у тебя возникли планы, меня это не касается. Мы праздновали выздоровление (спасибо от Дэвида тебе за все кстати) и настало время мне уходить. Вот и все.

Маркус сурово посмотрел на нее. Он терпеть не мог вранья. Не от нее. И не об этом.

— Это еще не конец, и ты это прекрасно знаешь.

Ее глаза стали огромными, как у оленя, уставившегося на фары, мчащейся машины, она лизнула нижнюю губу. Он сделал шаг вперед, не в состоянии контролировать свою потребность оказаться рядом с ней.

— Я прекрасно провел с тобой сегодня вечер.

Она кивнула.

— Я тоже отлично провела время.

Он шагнул еще ближе, заметив, как она напряглась, но ему было плевать. Сейчас был его шанс, и он не собирался его упускать. Ни Триш, ни Дерек, никто.

— Я не хочу, чтобы эта ночь не заканчивалась, — он коснулся кончиков ее волос и выругался про себя, услышав ее тихий вдох, когда она на секунду прикрыла глаза.

— Знаешь, как говорят, — ответила она с придыханием. — Все хорошее когда-нибудь

кончается.

— Что было бы, если бы Триш не появилась?

— Не потому, что она...

— Хватит, — приказал он, и его голос прозвучал, как у брата, даже шокировав его самого, он выждал паузу. — Не лги мне. Триш ничто. Она обычная женщина, которая работает там же, где и я, но я абсолютно в ней не заинтересован.

Рене качнулась в его сторону, и он уловил еле уловимый запах — лаванды и меда. Он с трудом сглотнул.

— Это меня не касается, — совершенно неубедительно прошептала она.

— Я предпочитаю делать то, что... хочу. А хочу я тебя... постоянно, и думаю, ты тоже меня хочешь.

Она медленно покачала головой.

— Неважно, что я хочу. Я не могу.

— Шшш, — он положил палец на ее великолепные губы. — Остановись, — прошептал он, наклонившись и целуя ее гладкую атласную щеку. — Дай волю своим чувствам. — Он прикусил мочку ее уха и услышал крошечный стон. Его член затвердел до боли.

Ее нежные руки ухватили его за рубашку, она распластала пальцы на его груди. Он прошелся языком по ее шеи, приподнял голову, заглядывая в ее затуманившиеся глаза. Затем наклонился, губы к ее губам и прикоснулся. *Рай.*

Ее губы были со вкусом вишни и колы, и судьбой. Он захватил ее губы и переплел свой язык с ее, прижимая ее спиной к бетонной стене, накрутив на кулак ее золотистые локоны, другой рукой обхватив изгиб ее талии, поднимаясь выше и дотрагиваясь ладонью до ее груди.

Она снова застонала и прижалась к нему ближе, потеревшись о его промежность, его жесткий член пульсировал от желания.

Их языки полностью переплелись, дыхание стало быстрым и жестким, она гладила руками через рубашку его пресс и грудь, а его большой палец ласкал ее округлую, упругую грудь.

Он зарычал и обхватил ее голову обеими руками, пожирая ее губы, спускаясь к шее к V-образному вырезу ее свитера.

— Боже, ты такая красивая, — задыхаясь произнес он. — Я желал тебя с того самого момента, как только мои глаза упали на тебя, когда ты склонилась в офисе над ящиком, выискивая какие-то файлы.

И именно в этот момент, когда слова вылетели у него изо рта, он понял, что облажался по полной. Это была самая огромная глупость, которую можно было сказать, когда он, наконец, получил то, что хотел.

Что. За. Идиот.

Она стукнула его по груди, оттолкнув и тяжело дыша, будто пробежала марафонскую дистанцию.

— О Боже мой. Какого черта мы делаем? — ахнула она.

Он провел рукой по волосам и уставился на нее, боясь пошевелиться.

— Думаю, довольно очевидно, что мы делаем, — ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал позитивно.

— Что!? Это было ошибкой. Огромной ошибкой. О, мой Бог, — она вытащила ключи из кармана, у нее дрожали руки и наклонилась, чтобы поднять сумку с ноутбуком. — Одно дело

оступиться, когда я была пьяна, сейчас совсем другое дело. Мне жаль. Прости, что я позволила всему этому случиться.

— Я ни о чем не сожалею, — зарычал он, разочарование сквозило у него в голосе.

— Пожалуйста, не говори Дереку, — она смотрела на него глазами, в которых плескался ужас.

— Господи. Какого ты обо мне мнения? Я не собираюсь тебя подставлять, Рене. На самом деле, я без ума от тебя, это на тот случай, если ты не заметила.

Выражение ее лица смягчилось, она дотронулась до его щеки, в ее глазах блестели невыплаканные слезы.

— Это пройдет. В тебе говорит инстинкт охоты, а не любовь. Как только ты поймаешь меня в свои сети, больше не захочешь, и я останусь... безработной, с разбитым сердцем. Это пройдет.

Он отрицательно качнул головой.

— Нет. Все не так, — прошептал он, у него сильно заболело сердце, ему даже захотелось вырвать его из груди, чтобы каким-то образом остановить эту боль.

— Но всегда было именно так, — ответила она, обойдя его и направившись к своей машине.

Он смотрел ей в след, как она выезжала, и единственное, о чем мог думать, что с ним всегда *теперь будет так*, но этот момент уже не вернется никогда.

Преследовал ли он Рене или нет, она усердно погрузилась в работу. Маркусу никогда раньше не приходилось добиваться женщины с таким трудом. Никогда... до сих пор, особенно ту, которую он хотел. Но Рене? Она? Все, что было с ней связано заставляло его прикладывать усилия. Он рухнул на диван в комнате для отдыха в студии и стал смотреть первый выбранный телевизионный монитор, установленный на стене, показывающий новости со всего мира на всех языках, какие только можно вообразить.

— Ты выглядишь так, словно кто-то украл твоего любимого плюшевого мишку, парень, — заметил Алекс, опускаясь на диван рядом с ним и передавая ему пакетик с чипсами.

— Женщина, — ответил он.

Алекс взглянул на него.

— Ах, та самая, милая Рене.

— Она убивает меня.

Алекс фыркнул.

— Значит, когда ты впервые появился здесь и пошли слухи, что ты был большим игроком в Филли — это всего лишь очередное дерьмо?

Маркус косо взглянул на Алекса.

— На самом деле, это определение довольно точно подходило ко мне, — пробормотал он.

— Дерьмо? Что Маркус имел «полный кортеж журналисток», да? Это дерьмо на самом деле так? Тогда, как черт возьми, такой парень может сохнуть по какой-то маленькой секретарше своего брата, которая стала занозой у него в заднице?

Маркус с силой вздохнул, он даже не мог вспомнить, когда так вздыхал.

— Если бы я знал ответ на этот вопрос..., как можно все исправить, — быстро произнес он в ответ. — У меня такое чувство, словно я подхватил какой-то вирус или что-то типа того. Я не могу заснуть и просто впихиваю в себя еду. Все, на что я способен, только думать о ней и возможностях, как заставить ее хотеть меня. И хотя это звучит чертовски патетически, но если мой брат узнает об этом, он «А» надерет мне задницу, и «Б» осмеет на весь город.

Алекс покачал головой, посмеиваясь.

— Чувак, ты влюблен. Я имею в виду, ты раньше никогда не был влюблен по-настоящему? Я исключаю щенячью преданность-любовь в школе или что-то типа этого.

Желудок Маркуса дернулся, опускаясь вниз, от одного упоминания этого слова. Ему не понравилось такое представление. Он знал, что хотел больше, чем на одну ночь, а именно так у него и было все десять лет, но это совсем не означало, что он был готов выставить на продажу свою влюбленность. Господи. Это уже пахнет настоящим дерьмом. Он был без ума от девушки, с которой хотел встречаться. Но влюблен... он никогда не был.

— Я не схожу по ней с ума, ты, идиот. Она просто настолько отличается от всех других женщин, с которыми я встречался. Она.. не знаю, как выразиться... более реальна что ли. Я просто хочу встречаться с ней и получать удовольствие от этих встреч, а не только заниматься сексом. Хотя она очень сексуальна. Умная и милая, знаешь ли? Вот и все.

Алекс фыркнул.

— Как скажешь, чувак. Я рад, что это ты попал в эту ситуацию, а не я. Я был когда-то влюблен. Это огромная боль-в-заднице, я никогда такой не испытывал. Что бы я не делал,

она все равно не была рада. Она вывернула всю мою жизнь наизнанку, а потом бросила меня ради Бреннера Колтрайна.

Маркус съел последнюю чипсу и развернулся, чтобы взглянуть на Алекса.

— Не может быть! Жена Бреннера Колтрейна твоя бывшая?

Алекс кивнул.

— Иногда мне кажется, что она закрутила со мной, только чтобы смогла познакомиться с ним или еще с какой-нибудь спортивной звездой. Черт бы побрал *News Nancy*, — сказал он, имея в виду поклонниц, которые следили за колонками в журналах, восхваляющих селебрити, известных спортсменов на WNN.

Маркус еще несколько секунд внимательно разглядывал Алекса, пытаясь представить женщину, которая бы заинтересовалась слегка небрежным, бородатым, тощем Алексом, по будням ведущем передачи на WNN, с каскадом волос и тремя костюмами за тысячу долларов. Наконец он покачал головой и поднялся.

— Ну, к счастью, как я уже сказал, я не влюблен. Мне хотелось бы встречаться с ней, но на этом все.

— Если это все, почему бы тебе не найти кого-нибудь еще для встреч? Того, кому ты нравишься, и кто не будет работать на Дерекэ Эмброуза. Он самый известный сукин сын.

Маркус рассмеялся.

— Да, думаю, ты прав. Он лучше предпочтет подать запрос в Верховный Суд, который вынесет приговор по поводу однополых браков и это будет джек-пот, нежели пойдет на уступки.

— Только после тебя, — сказал Алекс, когда они выходили за дверь.

Пока они оба шли по коридору в студию, Маркус не мог отделаться от ощущения, что ему совсем не хотелось встречаться с кем-то еще. Он хотел видаться только с Рене. И еще было кое-что в словах Алекса. А именно — его жизнь действительно перевернулась с ног на голову.

Рене вытащила термометр изо рта у матери и посмотрела на него.

— Отлично! — произнесла она, улыбаясь Элис.

— Я же сказала, — ответила мама. — Доктор сказал понаблюдать первые семь дней, а сегодня — десятый. После лечения — девятый. Тебе уже пора остановиться.

— Мам, — воскликнула Рене, забирая поднос с завтраком с тумбочки, — это же не больно померить температуру еще пару дней. Нет никакой волшебной формулы, чтобы ты быстрее оправилась от химиотерапии, ты будешь еще слабой. Но не словить какую-нибудь инфекцию — это очень важно на данный момент. Ты сильная, и ты сможешь справиться со всем.

Элис вздохнула, затем слегка улыбнулась Рене.

— Я знаю, дорогая, знаю, ты делаешь все возможное, чтобы я выздоровела. Я очень ценю это и очень тебя люблю. Но мне хочется, чтобы ты нашла что-то для себя.

Рене смотрела на истощенное тело матери, ее изуродованную грудь после операции, закрытую футболкой, и маленький пушок волос, просвечивающий на коже головы.

— Ты же знаешь, мне не нужно что-то для себя. Если бы я смогла заплатить за сиделку, которая могла бы быть с тобой двадцать четыре часа семь дней в неделю, я все равно бы не смогла, оставить тебя на нее. Ты потратили на меня двадцать лет. Теперь пришла моя очередь. Мне нравится..., — она замолчала и подмигнула Элис. — Это же не будет длиться

вечно.

Ее мать рассмеялась, и Рене спокойно покинула комнату, испытывая маленькую надежду, которую она не чувствовала уже долгое время.

Когда она прибыла на работу, чувство надежды Рене было разорвано в клочья, скомкано и выброшено в мусорную корзину, стоящую где-то вдоль дороги. Очень рано утром она встретила со своим братом в реабилитационном центре, где он и находился, и эта встреча стала полной катастрофой. Дэвид выглядел расстроенным и одиноком, и его прогресс в выздоровлении замедлился. Он так хорошо шел к выздоровлению — большая часть мелкой моторики вернулась, он уже мог вести беседы, но он с трудом поднимался и спускался по лестнице, при этом не мог вспомнить название множества предметов, заставляя его израненную душу подыскивать самые простые слова, заикаясь, например, такое просто слово, как «метла». Школа, в которой он учился, предоставила репетитора, который приходил в реабилитационный центр, чтобы Дэвид не отстал от программы, но его перестали навещать друзья, занимаясь обустройством своих собственных жизней и решая свои собственные драмы. Короче, он был одинок и подавлен, и Рене была не уверена, что сможет каким-то образом поднять ему настроение, учитывая ее заботы, связанные с матерью.

Она опустила за свой рабочий стол, положила сумочку и обед в ящике стола, опустила голову на руки, чувствуя себя еще раз побежденной. Страховая компания готова оплачивать только тридцать дней пребывания Дэвида в реабилитационном центре. В этот момент он может получить любые процедуры амбулаторно, а дальше лимит будет очень ограниченным. Ему просто необходимо пройти как можно больше процедур, пока он находится в центре прежде, чем опраться домой. Но никакого положительного результата не предвидится, если он будет прибывать в таком упадническом состоянии.

— Мой брат заставляет тебя спать на своем рабочем месте?

Рене подскочила, уставясь в темно-синие голубые глаза, которые преследовали ее во снах после той ночи в гараже. Она почувствовала, как ее лицо залила краска и изо всех сил старалась не показывать, насколько рада видеть его.

— Доброе утро. Прости, еще нет и восьми, я не ожидала, что кто-то может прийти сюда.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты спала не за рабочим столом, — он подмигнул.

Она засмеялась, несмотря на то, насколько неловко себя чувствовала перед ним.

— Нет, конечно, я приехала несколько минут назад, но не думаю, что я уже проснулась.

— Ах, — произнес он, с улыбкой рассматривая ее лицо. Теплой улыбкой. В ней было столько тепла, что почти воспламенился ее рабочий стол из дерева. — Ну, я рад, что твой организм требует свое. — Его взгляд опустился ниже, и его глаза потемнели еще больше. — Очень рад.

— Маркус, — предупредила она.

Его глаза тут же вернулись к ее лицу и снова стали мягче.

— Мне кажется, ты выглядишь измученной и усталой. Мама и Дэвид в порядке?

Она вздохнула. Ей явно не следовало с ним вести разговоры о своей семье, но она так устала и была так расстроена, и рядом с ней фактически не было никого, кто интересовался ее проблемами.

— С мамой все в порядке. Она еще слаба, но все говорят, что она идет на поправку.

Сейчас моя самая большая проблема — Дэвид. У него большой прогресс, но...

Маркус присел на корточки рядом с ее столом, чтобы видеть ее глаза.

— Но что? — тихо поинтересовался он.

Она сжала зубы, ненавидя себя, что оказалась в таком отчаянии, и опять обратилась к мужчине, для которого она... она ничего не значила.

— Его восстановление замедлилось. Есть некоторые навыки... с которыми он не очень хорошо справляется, и это сводит его с ума. Он подавлен и обескуражен и хуже еще то, что медицинская страховка заканчивается через тридцать дней. А он за такой срок быстро не поправится, — она взглянула на Маркуса и почувствовала, как у нее сжалось горло. — Боюсь, если он не будет поправляться, он никогда не сможет стать прежним. Это очень плохо. Это очень плохо, потому что он не сможет вернуться к нормальной жизни.

Маркус положил руку ей на щеку, и она прильнула к ней, не могла не прильнуть, его рука так успокаивала и была такой теплой. Ей было необходимо к кому-то прижаться, к кому-то кто мог ее понять, поддержать, она нуждалась в этой поддержке, как в дыхании.

— Знаю, это тяжело, но не сдавайся. Не отказывайся от него, не теряй надежду. Ты самая сильная женщина, которую я когда-либо встречал, и он такой же, как и ты, сильный. Он увидит, что ты борешься за него, и будет с усилием бороться за себя. Возможно, он захотел взять перерыв на несколько дней, но если ты сдашься, он тоже опустит руки. Поверь мне. Я четко знаю, какое влияние своим примером могут оказывать старшие братья или сестры на младших, — он улыбнулся, и она ничего не могла с собой поделать, но у нее возник образ Дерека, который читал очередную лекцию Маркусу, она захихикала.

— Спасибо, — ответила Рене.

Их глаза встретились, и столько промелькнуло в их взгляде, что у нее поплыла голова, а сердце забилось, пустившись в галоп. Она ощущала запах его цитрусового одеколона и заметила легкую небритость, видно сегодня утром, после смены, он не успел еще побриться. Все ее чувства опять встрепенулись, несмотря на то, что она запрятала их очень глубоко, но единственное, совершенно отчетливо она понимала сейчас — если он попытается ее поцеловать, она не сможет противостоять ему. Он, словно совершал под нее подкоп, а она как собака, которую манили сахарной костью.

Но сейчас он не попытался ее поцеловать. Вместо этого он отдернул руку, кожа на щеке лишилась его теплоты, а сердце почувствовало себя одиноким.

— Я не охочусь, — прошептал он. — Это гораздо большее, и я собираюсь доказать тебе это. — Он встал, грустно улыбнулся и пошел в кабинет своего брата, забрав с собой какую-то ее часть.

Один из самых великолепных и потрясающих моментов работы на Дерека Эмброуза заключался в том, что Рене на протяжении всего дня была так загружена, что у нее просто не хватало времени переживать за свои проблемы. После восьми часов утра (а иногда даже раньше), офис мистера Эмброуза гудел до шести вечера, а иногда даже и позже. Сам Дерек проводил встречи с семи утра до девяти часов вечера, а иногда и поздним вечером. Рене не могла понять откуда этот мужчина черпает столько энергии, но в дни, когда она падала духом от своих семейных проблем, она была несказанно рада такому бешенному ритму и нагрузке, так она не успевала заикливаться на своих проблемах.

Было почти семь часов вечера, когда она закончила печатать примечания и внесла поправки в расписание Дерека на неделю. Она пожелала ему «хорошего вечера», заметив,

что Дерек стоял у окна, что ему было совершенно нехарактерно, и казалось выглядел при этом подавленным. На улице было темно, хотя всего лишь шесть пятнадцать, приближался Хэллоуин, температура ночью понижалась до сорока градусов. (5⁰C) Она накинула свитер на плечи и шла по темной улице. Минуя толпу деловых кварталов, она направились в реабилитационный центр, решив по дороге позвонить маме.

— Привет мам, — тут же произнесла она, как только мама ответила на звонок. — Ты съела все, что я тебе оставила на обед?

— Да, съела все.

— Правда? Здорово. Мне уже не верилось, что ты будешь все съедать, что я оставляю тебе на плите.

— Я съела, даже провела целый час пропалывая сад, — ответила ее мать более энергично, чем обычно.

— Хорошо, мам. Только не переусердствуй. Побольше отдыхай и хорошо питайся — это лучшее, что ты можешь сделать для себя в данный момент.

— Да, мой дочка-врач. Я немного вздремнула после прополки, почитала, сейчас смотрю фильмы. Приходила Лиза в гости и принесла мне тыквенное шоколадное печенье, девочки на работе сделали. У них есть семена льна, и кто знает, что еще они туда положили.

Рене рассмеялась. Ее мать раньше не признавала ни искусственную пищу, ни холистические лекарства. Она была приверженцем витаминов и пищевых добавок, которые ей давала Рене, и благодаря своей природной склонности она следовала инструкциям врачей, ела простую пищу, как у солдат.

— Поскольку ты занята, не будешь ли ты против, если я навещу Дэвида перед тем, как вернуться домой?

— Конечно. Я готовлю себе суп и собираюсь посмотреть новый сезон «Полдарк». Ты можешь отсутствовать столько, сколько будет нужно. И я рада, что ты пойдешь к нему. Когда я сегодня утром звонила ему, мне показалось, что он расстроен. Если честно, меня убивает, что я не могу его навестить.

Рене вздохнула. Это тяжело. На самом деле, она тоже думала, что если бы Дэвид увиделся с мамой, это помогло бы ему, но микробы, имеющиеся в реабилитационном центре, увеличивали ее риск, учитывая ее ослабленную иммунную систему.

— Знаю, мама, я не задержусь надолго. Он знает, что ты скучаешь и любишь его, скоро Дэвид вернется домой.

Анна тяжело вздохнула.

— Ты права. Мы преодолеем и это, дорогая. И когда все будет позади, ты возьмешь долгий отпуск и будешь делать все, что захочешь. Вернешься в университет, отправишься в путешествие, а можешь просто лежать дома целый день. Все, что захочешь.

Рене постаралась, чтобы голос не звучал слишком устало.

— Хорошо, мам. Я начну планировать. Увидимся через час.

Рене прибыла в реабилитационный центр, было уже семь часов вечера, она знала, что в это время Дэвид должен был вернуться в свою комнату после ужина. Раньше с ним в комнате пребывал сосед, но его недавно выписали, поэтому вторая кровать пустовала. Пока она шла по тихому коридору, большинство пациентов разошлись по своим палатам, она услышала громкий смех, доносившейся из комнаты Дэвида. Она замедлила шаг, подошла поближе и прислушалась.

— Нет, но парень был весом около двухсот восьмидесяти фунтов, больше чем шесть

футов роста. Он был похож на Хоббита на стероидах. Даже его ноги были волосатыми и вот дерьмо. Это было просто невероятно.

Голос не принадлежал Дэвиду, но был очень знакомым, она вошла и ее глаза расширились от увиденного. Дэвид стоял у своей кровати, перебирая ногами на степпере, такой используют на занятиях аэробикой. Он не задумываясь совершал шаггал, делая шаг сначала одной ногой, потом другой, Маркус развалившись сидел в кресле, с растрепанными волосами, расстегнутой у воротника рубашкой и закатанными рукавами.

— Привет, Нэй, — произнес Дэвид, как только она вошла в комнату. Его улыбка была заразительной, как и смех, который она слышала несколько минут назад.

— Ну, привет, — ответила она, улыбнувшись Дэвиду, потом перевела подозрительный взгляд на Маркуса. — Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен быть на работе?

Маркус пожал плечами.

— Отработал день немного сместив график, — он с вызовом смотрел на нее, как бы говоря: *«Неужели ты осмелишься выяснять отношения перед своим братом?»* Черт бы его побрал. Он был слишком умен.

— Ну, я понятия не имел, что ты решишь навестить Дэвида, похоже вы неплохо проводили время.

— Он рассказывал мне разные истории, когда только начал вести свои репортажи. Некоторые, на самом деле, очень смешные, черт побери, Ней.

— Правда? — она снова взглянула на Маркуса. Он выглядел таким самодовольным и великолепным, что это даже раздражало.

— Да, он предложил мне кое-что совсем нехилое. Он сказал, что на студии всегда нужны стажеры, и если я получу в мае диплом, как и планирую, он мог бы мне предложить работу стажера летом.

Сердце Рене забило быстрее, но она старалась не показывать этого Дэвиду.

— Вау, звучит здорово, — она также старалась спокойно отвечать, все свои эмоции скрывая под нейтральным фасадом.

— Дэвид сказал, что ему нравится фотография, а я знаю, что Алексу всегда не хватает дополнительных рук. Он очень профессиональный и терпеливый. Думаю, Дэвид мог бы многому научиться у него за лето. Алекс даже читает лекции по фотожурналистике в столичном колледже, когда у него есть на это время.

Он посмотрел на Рене, слишком много говоря ей своим взглядом. Она кивнула, все слова у нее вылетели из головы.

— Итак, — Маркус повернулся к Дэвиду. — Если ты не против, я приведу завтра Алекса, и он поговорит с тобой о твоей фотокамере. Посмотрим, может нам удастся воспользоваться одной из б.у. видеокамер, которые студия продает на аукционе, ты мог бы получить хорошую практику за несколько летних месяцев.

— Парень, это круто. Ней, ты можешь завтра принести мою 35-мм камеру и оборудование, чтобы Алекс смог на него взглянуть?

Рене кивнула, ее сердце готово было разорваться от радости.

— Да. Я первым делом завезу ее тебе по пути на работу.

— Круто.

— Ладно, — Маркус протянул руку, и Дэвид ее пожал, так парни пожимают друг другу руки, — увидимся завтра.

— Точно. Увидимся.

Маркус повернулся к Рене, чтобы попроситься, но она перебила его:

— Я тебя провожу. Сейчас вернусь Дэйв.

Как только они вышли из комнаты и отошли в сторонку, Рене развернулась к Маркуса, чувствуя неуверенность, стоит ли обнять его и поблагодарить или же дать ему пощечину. Она совершенно запуталась в своих мыслях, которые до сих пор крутились у нее в голове.

— Ты, на самом деле, имел в виду то, что говорил? Ты сможешь взять его на стажировку к себе на студию? Потому что, если ты просто пытался помочь и не выполнишь свои слова, я пойму, но ты должен понять, что это очень плохо с твоей стороны, потому что с тех пор, как мама заболела, он не интересовался ничем и ему было совершенно наплевать на школу, и я даже не могу представить, что с ним произойдет, если Дейв узнает, что это была всего лишь уловка с твоей стороны, чтобы заставить его поправиться. Но если ты предложил ему, потому что думаешь, что действительно можешь взять его...

Маркус положил два пальца на ее губы и снисходительно улыбнулся.

— Выдохни, милая. Дыши. Сделай медленный вдох и выдох. Все будет хорошо, я обещаю.

Рене отбросила свои путающиеся мысли и сосредоточилась на спокойном дыхании, которое словно струилось из Маркуса, переходя в нее. Ее дыхание стало более спокойным, глаза Маркуса потемнели, он улыбался.

— Хорошо, я пришла в себя, — прошептала она.

Он убрал пальцы, обхватив ее руку своей большой, теплой ладонью и медленно скользил вверх-вниз по ее коже, он успокаивал ее своими движениями.

— Я имел в виду каждое слово, которое произнес. Он сможет работать летом, если захочет. И я уже написал Алексу. Он полностью «за». Фотография спасла его, когда он был подростком, он больше ничего так сильно не любит, как обучать этой магии таких же, как он был когда-то.

Рене слабо улыбнулась.

— Спасибо. Похоже, я только и делаю, что благодарю, но это просто... я имею в виду..., — она замолчала, потому что у нее сжалось горло.

— Я хочу помочь. Я хочу помочь Дэвиду, и я хочу помочь тебе.

Он наклонился и оставил у нее на губах легкий поцелуй, словно прошелся перышком. И тут же отстранился.

— Я не охочусь на тебя, — снова произнес он. — И я докажу тебе это. — И зашагал прочь, оставив ее в еще более растерянных и запутанных чувствах, и мыслях — что же есть правильное и неправильное в ее жизни.

Он послал ей цветы домой, а не в офис, чтобы не видел Дерек. Раньше он никогда никому не посылал цветы. Как правило, все ограничивалось его очарованием и несколькими коктейлями, но Рене была особенной, а это означало, что ему следовало сделать тоже что-то особенное.

Первый букет состоял из полевых цветов, он выбрал их исключительно из-за его запаха, полевые цветы напоминали ему о ней. Прошло два дня, но она хранила молчание, он послал тюльпаны. Ему казалось, что их запах напоминал полное дерьмо, но они были чертовски дорогими и флорист заверила его, что они выглядят уникально и утончено. С ее стороны ответа так и не последовало, тогда он прислал розы. Две дюжины белых роз. Прошло семьдесят два часа, она продолжала молчать, и его это взбесило.

Он решил отправиться к ней самолично... домой.

Входная дверь распахнулась, и он предстал перед тощей, но красивой женщиной, голова, которой была обмотана нежно-голубым шелковым шарфом, с таким же добрым и теплым взглядом, как у Рене.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросила она, критически рассматривая его.

— Да, мэм. Не сможет ли Рене меня принять?

— Ах, вы, должно быть, именно тот, кто пытается превратить мой дом в цветочный магазин.

Он не мог не рассмеяться, почесывая затылок от создавшегося дискомфорта. Он специально пропустил свой перерыв на ланч, и был одет в свой обычный деловой костюм. Самым удивительным было то, что его совершенно не беспокоил его костюм и галстук, когда он оказывался перед камерой, но в данный момент они душили его.

— Да, мэм. Я Маркус Эмброуз. Рене работает на моего брата, Дерека.

— Хм, — ответила Анна, приподняв бровь. — В данный момент Рене нет дома, но, мне кажется, вам стоит войти.

Маркус торжественно кивнул и последовал за ней.

— Садитесь, мистер Эмброуз, — произнесла Анна, входя в гостиную. — Могу я вам предложить воды?

— Нет. Спасибо, со мной все в порядке, — он оглядел гостиную, которая всем своим видом напоминала ему о доме, в котором он вырос. Взгляд его упал на ряд фотографий на каминной полке, он задержался на черно-белых фотографиях Рене и Дэвида, играющих на пляже, когда они были еще детьми. Он непроизвольно улыбнулся, стоило ему взглянуть на эти фото и представить, как Рене, будучи еще подростком, гоняла своего младшего брата, контролируя его купание в океане и пытаясь остановить его от разрушения необычных замков, выстроенных ею из песка.

— Им было пять и десять, когда была сделаны эти фото, — пояснила Анна, взглянув через плечо. — Он следовал за Рене повсюду. Дело доходило до того, что я не разрешала ей плавать в океане, хотя она прекрасно плавала и ей очень нравилось, потому что Дэвид тут же лез за ней в воду, а он нужно сказать, не очень хорошо плавал. Она никогда не жаловалась, она всегда говорила: *«Я позабочусь о нем, мама. Так должна поступать старшая сестра»*.

Он повернулся к ее матери и заметил мимолетную тоску, которая отразилась на ее лице.

Она жестом пригласила его садиться, опустившись в большое кресло, фактически

полностью поглотившее ее такую маленькую и хрупкую.

Маркус опустил рядом на диван и наклонился вперед, поставив локти на колени.

— В данный момент она навещает Дэвида, — произнесла Анна. — Это хорошая возможность нам поговорить.

Маркус с трудом сглотнул и кивнул. Он на это не рассчитывал, не зная, что ждать. У него тут же возник вопрос — *с какой стати он решил, что ему необходимо прийти к Рене домой?*

— Ваш брат был очень добр к Рене. А также очень добр к нашей семье.

— Знаю, он очень высокого мнения о ней, — ответил Маркус. Его взгляд непроизвольно упал на журнал, лежащий на кофейном столике. «*У вас рак, как нужно его лечить*» прочитал он. У него что-то ухнуло внизу живота.

— Вы похоже, много о ней думаете, — улыбнулась она.

Маркус тут же почувствовал капли пота, появившиеся под воротником рубашки и ужасно пожалел, что он не в футболке и джинсах.

— Она особенная женщина. Я с удовольствием встречался с ней пару раз, но хотел бы узнать ее намного лучше.

Анна улыбнулась.

— Ты умный парень. Это хорошо. Рене не может терпеть тех, кто не так умен, как она. Я полагаю, что ты в курсе, что я больна?

Маркус мрачно кивнул.

— Я работаю учителем, вернее *была* учителем. Моя профессия позволила мне уйти. Они готовы принять меня назад на работу, как только я буду чувствовать себя хорошо, но сейчас, в данный момент, я безработная. Я получаю пенсию по инвалидности, но ее не хватает для нас троих. Тогда Рене решила устроиться на работу, на полный рабочий день, где бы была приличная медицинская страховка, чем та, которую я имею, в качестве безработной. Она все время заботилась обо мне и делала все, чтобы Дэвид вернулся в нормальное состояние, посещая его после трудового дня, работая на вашего брата шестьдесят часов в неделю.

Маркус покачал головой.

— Мне очень жаль, что такое случилось у вас в семье.

— Спасибо. Моя точка зрения — моя двадцати двухлетняя дочь заслуживает чего-то очень хорошего в своей жизни. Я надеюсь, что вы являетесь именно этим хорошим.

Маркус сглотнул, молча рассматривая женщину в возрасте. Наконец, он кивнул. Он принял вызов, который она ему бросила. Он не испытывал страха перед выбором.

— Я хотел бы быть для нее чем-то большим. Если только она мне позволит.

Анна снова улыбнулась, хотя ее глаза выглядели усталыми.

— Не сдавайтесь. Я знаю, что ей тяжело сейчас. На нее столько навалилось, это на самом деле тяжело нести такой груз на плечах, но я вам обещаю если вы будете упорно трудиться в этом направлении, она поверит и станет для вас чем-то особенным.

Маркус не сомневался, что Рене представляет настоящую ценность, даже ее самый маленький вздох. И он поклялся в этот момент, что он также будет достоин ее.

Цветы были прекрасными, она расставляла их по дому, а сама убегала на работу. Мама начала поддразнивать ее по поводу цветов, Дэвид был уже дома, он просто качал головой каждый раз, когда раздавался звонок в дверь и появлялся очередной десяток цветов. Всего

было пять букетов за последние три дня, и восемь — за две недели. Она поставила букет с ромашками и жестом пригласила Элис присесть на табурет.

— Почему он посылает их каждый день? — спросила ее подруга, ухмыляясь и глядя на вазы, заполненные букетами, которые украшали кухню.

— Не каждый день..., но большинство дней, — она вздохнула. Когда он не посылал ей очередной букет, она чувствовала разочарование, которое терзало ей душу. Она уверяла себя, что не должна испытывать разочарования, по крайней мере, по отношению к нему. Она начала привыкать к проявлению внимания Маркуса. А ей не следовало этого делать. Рене не могла позволить себе лишиться работы, и у нее не было времени, чтобы как-то успокоить свое сердце. Просто не было времени.

Элис взглянула на нее, приподняв одну бровь.

— Все дни... почти. Похоже, у него это не плохо получается.

Рене отрицательно покачала головой, стараясь себя убедить, что ей все же необходимо напомнить своей подруге, чтобы она оставалась на ее стороне.

— Нет. Он славится этим. О нем ходит легенда, что он оставил шлейф из журналисток. Он любит охотиться на женщин. Преследование — это, конечно, хорошая история, но преследование непорочной женщины — совсем другая история. Он скоро устанет и двинется дальше, я уверена.

Элис фыркнула в ответ.

— Ну, конечно.

— Что?

— Ты серьезно!? Таким образом, ты себя успокаиваешь? Я не тупая, и наслышана о репутации Маркуса Эмброуза. Черт, целая колонка в Capital City Chatter была посвящена ему как только он устроился на WNN. Но я слышала также и другое — несколько недель назад кое-что случилось в баре, и это близко не было связано с охотой.

Сердце Рене забилось быстрее, и ей пришлось дышать медленнее, чтобы не показать своего волнения.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — усмехнулась она.

— Если ты этого до сих не признаешь, я прихожу к выводу, что ты ужасно упряма. Этот великолепный образчик мужчины настолько сильно проявляет к тебе свои чувства, что только слепой способен их не увидеть. Хочешь ты того или нет, но ты поймала на крючок Маркуса Эмброуза, и, если бы я была на твоём месте, я бы наслаждалась каждой минутой, пока есть такая возможность.

Рене насторожилась на фразе «пока есть такая возможность». Поскольку именно в этом и крылась сама проблема. Даже если бы Рене думала, что Маркус относится к ней серьезно, она не могла себе представить, что в ее мире он может к ней испытывать серьезные чувства. Он был для нее таким далеким, он находился где-то за пределами ее досягаемости, она даже захихикала, думая об этом. Рабочий день Маркуса Эмброуза намного отличался от рабочего дня Рене, настолько отличался, как настоящий Санта Клаус.

Она покачала головой из стороны в сторону, прогоняя мысли — надежды и свои фантазии.

— Мужчины такие, как Маркус, не остепеняются. Я имею в виду, посмотри на его брата. Он может получить любую светскую львицу, которую захочет. Пару раз он встречается с ней, затем покупает ей бриллиантовое кольцо и переходит к следующей. Он может себе это позволить. И тоже самое может себе позволить и Маркус. Нет ни одной

причины, из-за которой бы он захотел бы вдруг «подсесть на крючок» и продолжать осаду недоучки, имеющую у себя за спиной больную мать и брата, чуть ли не преступника.

Элис закатила глаза и поднялась.

— Хорошо, мадам-страдалица. Можешь успокаивать себя этим. Я обещаю, что мы пройдемся с Дэвидом по магазинам, чтобы приобрести ему новые шмотки перед тем, как он вернется в январе в школу.

— У меня нет денег, чтобы покупать ему новую одежду, — ответила Рене, крепко поджав губы. — И он знает об этом.

— Да, знает, но это своего рода мой подарок ему, в связи с возвращением домой, поэтому он не будет напрягать тебя.

Элис направилась в сторону спальни, окликая Дэвида, и Рене улыбнулась, взяв свою сумочку, при этом подумав, возможно, было не столь уж важно, что большинство друзей ее покинули. Элис стояла их пятерых.

Дереку необходимо было присутствовать на благотворительном приеме, поэтому он уехал из офиса в четыре часа дня. Рене нравились такие дни, когда он уезжал рано. Большинство его сотрудников работали по контракту. Политические аналитики, исследователи, социологи. Они работали консультантами из дома, изредка приезжая в главный офис для совещания, Дерек предпочитал держать их на расстоянии.

Поэтому, в пятницу к вечеру, Дерек покинул офис, и Рене осталась одна, ей нравилось это время. Ей нравилось находиться в офисе одной, совсем не потому, что Дерек был плохим начальником и чрезмерно нагружал ее работой. Нет, ей нравилось находиться одной в офисе, потому что это было единственное время за весь день, когда никому ничего не было от нее нужно. Весь день она выполняла чьи-то желания и указания — разных людей, матери, Дэвида и Дерека. Иногда она просто падала вечерами в кровать, так уставая, что у нее ломило все тело. Она радовалась любому шансу побыть наедине с самой собой — своими мыслями, мечтами и даже со своей усталостью.

И Рене до сих пор мечтала. Хотя запрятала свои мечты очень глубоко, но в такие редкие моменты, когда она оставалась одна, вытаскивала их на свет божий и рассматривала со всех сторон, во всей их мистической, сверкающей красоте.

Первая мечта была закончить институт. Получить степень в области маркетинга по связям с общественностью, она изучала эту дисциплину до того, как пришла работать к Дереку. Затем она хотела пойти работать в некоммерческую организацию, может даже на общественных началах. Она хотела пойти в организацию, которая работала с самыми бедными детьми. Рене даже договорилась о стажировке в одной из таких организаций, согласилась работать там на добровольных началах, но у ее матери диагностировали рак, поэтому ее мечта не осуществилась.

Она закончила ежемесячный отчет расходов и нажала «Отправить» на почту Дереку. Вздохнув, она крутанулась на стуле, столкнулась с ящиками картотеки и схватила кипу бумаг, чтобы рассортировать.

— Ты их ставишь по алфавиту или у тебя имеется секретный код?

Сердце Рене оказалось в горле, бумаги веером упали на пол, она подскочила на своем стуле, прямиком попав в крепкие объятия Маркуса.

— Эй. Прости, я не хотел тебя напугать, — он с беспокойством смотрел на нее.

Она прижала руку к сердцу, готовому выпрыгнуть из груди.

— О, Боже. Да, хорошо, но тебе, на самом деле, стоит начать пользоваться лифтом. Каждый раз, когда ты так делаешь, я теряю день или два своей жизни.

Он продолжал ее удерживать в своих руках, теплая улыбка согрела его идеальные черты лица.

— Если от этого твоя жизнь продлится, я готов каждый раз пользоваться лифтом.

Она успела восстановить свое дыхание, но тепло его рук проникало через ее тонкую шелковую блузку. Она попыталась отстраниться, но ее стул преграждал ей отход, упираясь сзади в ее колени, угрожая опять лишиться ее равновесия.

— Ты пришел повидаться с Дерекком? — шепотом спросила она, не в состоянии отвести от него глаз.

— Нет. Дерек на благотворительном вечере, я знал, что он туда собирается, поэтому

решил прийти. Я пришел к тебе.

Она, наконец, вырвалась от его магнетического притяжения и отступила, отодвигая ногами стул.

— Тебе не следовало.

— Почему?

— Тебе нельзя встречаться со мной, даже когда здесь нет Дерек. Если он узнает...

— Он не узнает, а если он узнает, то все равно не может с этим справиться.

Она отвернулась и сделала вид, будто рассматривает комнатные растения, мысленно молясь про себя, чтобы зазвонил телефон или открылись двери лифта на этаже, с соответствующем звонком, все, что угодно, лишь бы не затрагивать с ним эту тему, она не была уверена, что сможет выиграть и ему противостоять.

— Ты должен остановиться, — прошептала она. — Не посылать мне цветы и не приходиться ко мне, — затем она спиной ощутила его горячее и большое тело, настолько реальное, вставшее у нее за спиной.

— Что ты конкретно имеешь ввиду? Ты, на самом деле, хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? Я так и сделаю. Я не игрок и не сталкер. Я не могу навязывать себя женщине, которая во мне не заинтересована.

Она неожиданно обернулась, оказавшись очень близко, ей пришлось поднять глаза, чтобы встретиться с его взглядом.

— Я не думала, что ты сталкер. Но ты любишь охотиться. Скажи мне, что я ошибаюсь.

Он вздохнул и провел рукой по волосам, и на его лице отразилось сожаление.

— Да, я всегда любил азарт охоты. Мне всегда нравилось чувствовать завершение, выигрыш, когда я ловил... это касалось и сюжета и... женщин, — он помолчал, прислонив одну руку к ее щеке. Она боролась с желанием отодвинуться, изо всех сил пытаясь контролировать свое дыхание от его прикосновения, но горячее желание затопило ее существо, рванув к самому центру.

— Но *ты*. Не участвуешь в гонке. Ты не завоевание и не трофей, не разыгрываемый приз. Ты..., — он сглотнул, словно нервничая. Маркус Эмброуз, жизнерадостный любимец прессы, нервничал. Один уголок ее рта приподнялся, несмотря на все усилия, пытаясь остановить свою улыбку.

— Ты не такая, — медленно сказал он. — Ты именно та, которая мне нужна. Не знаю, почему, я не могу понять, как это произошло. Единственное, что знаю не могу удержаться в стороне от тебя и меня больше никто не интересует. — Он прошелся пальцем по ее подбородку, а его голос стал более низким, сиплым. — Я мечтаю о тебе. Переживаю за тебя. Я не могу вытащить тебя из своей головы. Ты все время здесь, — он положил руку на сердце, — и у меня не хватает сил изгнать тебя отсюда.

Рене застыла, в голове крутилась уйма вопросом, но эмоции вышли из-под контроля. Как такое случилось? Как такой мужчина, как Маркус, мог бесконечно думать о ней? Как мужчина, из-за отношений с которым она бесконечно переживала и в тоже время тянулась к нему всем сердцем, стоял сейчас прямо перед ней, говоря такие слова?

— Что мы будем делать? — на выдохе спросила она.

— Не знаю, но я не могу быть от тебя на расстоянии. Пожалуйста, не отталкивай меня, — он провел рукой по пряди ее волос, пока смотрел ей в глаза.

Она сглотнула, потом кивнула. Глубоко внутри она чувствовала, что скорее всего совершает колоссальную ошибку со своей стороны, но она ничего не могла с собой поделать,

особенно, когда он смотрел на нее такими глазами.

Прежде чем она смогла подобрать слова, его губы коснулись ее, выкидывая все ее сомнения, лишая ее решимости противостоять ему, лаская саму ее душу. Он взял губами ее нижнюю губу и осторожно потянул, маленький стон вырвался у нее из глубины груди. Видно у нее поднялась температура, потому что жар опалил все ее тело. Она обняла его за шею, зарываясь пальцами в его густые кудри, ее тело таяло рядом с ним, хотя они были настолько противоположными, как инь и янь.

Его поцелуй стал жестче, более напористым, его язык метнулся внутрь, дегустируя, поглощая. Она открылась его шелковистому, горячему языку, почувствовав, как ослабли ее колени.

— Боже, — прошептал он в ее губы, легкими поцелуями проходясь по ее губам, опускаясь к ее подбородку, к уху, дегустируя, искушая, мучая.

— Маркус, — выдохнула она, почувствовав, как он подхватил ее и усадил на стол. Его руки сжали ее бедра, он подвинул ее к краю стола, прижимаясь своей жесткой эрекцией между ее ногами.

— О! — воскликнула она, и крошечные искры разлились по всему ее телу.

— Скажи мне, ты хочешь этого так же сильно, как и я, — прорычал он. — Скажи мне, что ты чувствуешь тоже самое.

Она не могла себя остановить, поближе придвигаясь к нему и совершенно отчетливо прижимаясь к его эрекции.

— Я чувствую тоже самое, — выдохнула она. — Слишком сильно. У меня столько чувств.

От ее слов его движения стали безумными, руки тут же приподняли ее грудь, он двигал бедрами ритмично упираясь своей эрекцией в ее промежность. Он вытянул ее блузку из юбки, тут же запустив руки под шелковистую ткань, ущипнув соски через хлопчатобумажный бюстгальтер.

Рене почувствовала, как возрастает напряжение в центре между ее ногами. Никогда так быстро она не возбуждалась, она даже удивилась самой себе, если он сейчас же что-нибудь не сделает, она точно взорвется на маленькие осколки от такого сильного желания.

Маркус нащупал пуговицы на ее блузке, наконец, расстегнул, потянув ее вниз, его руки тут же заскользили к чашечкам бюстгальтера, опуская, и он губами припал к ее груди. Стоило ему взять ее сосок в рот, она поняла, что остановиться уже не сможет. Вокруг них не существовало ничего, единственное — Маркус, его руки, его рот, его тело, их страсть.

Прежде чем она поняла, что происходит, он отодвинул в сторону ее трусики и коснулся ее между ног.

— Господи. Ты такая мокрая.

— О Господи, — ответила она эхом, как только его палец скользнул в тугий вход. Она подвигала бедрами, он застонал, словно испытывая боль. Она потянулась к его ремню, быстро расстегивая, хотя ее внимание было сосредоточено исключительно на одном — своих ощущениях, когда его палец находился у нее внутри. Она стянула с него брюки и потянулась к боксерам, его дыхание стало резким, он зашипел.

Он медленно двигал внутри пальцем, целуя ее пышные груди. Но вдруг отстранился и внимательно посмотрел ей в глаза, ее лицо покраснелось, взгляд затуманился от желания.

— Ты мне очень нужна. Но мне нужно задать один вопрос. Ты понимаешь, что я имею ввиду?

Время остановилось, она поняла, что сейчас может все прекратить, если захочет. Сейчас у нее был единственный шанс отказать, сказав, что они не могут этого делать. Сказать, что если они рискнут и пойдут на этот шаг, то поставят под угрозу ее работу и его будущее, если он выберет ее. Но она не могла ему отказать. Она понимала, что это неизбежно. Так же, как цветение вишни, разукрашивающее Вашингтон весной, или туристы, стекающиеся к Национальной аллее на четвертое июля — это произойдет между ними рано или поздно, но обязательно произойдет, потому что неизбежно.

— Я тоже хочу, — тихо, почти шепотом, ответила она. — Мне тоже необходимо. — Она заколебалась. — Ты мне очень нужен.

Он выдохнул, словно не дышал в течение нескольких часов, а не мгновение. Она почувствовала, как он стягивает ее трусики вниз, приподняла свою попку, помогая ему. Он полез в задний карман, извлек бумажник, не сводя с нее темного горящего взгляда. Достал презерватив, бросив бумажник через плечо, она не могла не хихикнуть на его жест. Его губы изогнулись в ухмылке, он разорвал фольгу зубами. Это был самый сексуальный момент, который ей довелось видеть.

Она протянула руку и остановила его, как только он вытащил презерватив.

— Дай я, — сказала она хрипло.

Он ухмыльнулся и отодвинулся на пару сантиметров, внимательно наблюдая, как она раскатывает его на всю длину. Как только она дошла до низа, он накрыл ее руку своей.

— Только не двигай рукой или я взорвусь, — пробормотал он.

Она обвила руки вокруг его шеи.

— Я говорила тебе, как ты мне необходим?

— Ммм, — проурчал он, положив руки ей под попку, чуть приподнимая, притягивая к краю стола. Затем он двинулся в нее, дюйм за дюймом, заполняя и направляя, очень быстро подводя к переломному моменту, пока она сжималась вокруг него.

Он тяжело дышал и до сих пор с трудом сдерживал себя, похоронив глубоко внутри нее. Она обхватила его ногами за талию, соединив щиколотки в замок, и стала вращать бедрами, приглашая его к действию. Она с таким отчаянием нуждалась в его движениях.

Он с рычанием стал двигаться, сначала медленно, а потом жестко и быстро, входя на всю длину. Она выпустила вздох облегчения, как только он установил определенный ритм, который ей очень нравился. Напряжение внутри нее закручивалось в тугую спираль, она цеплялась за его спину, двигаясь к нему навстречу с такой силой, насколько могла. Он чувствовал, как ей нравилось, ее настиг оргазм. Она закричала, каждый мускул ее тела напрягся, прежде чем вся энергия сосредоточилась в ее центре между ног и волны блаженства прокатывались одна за другой, ей казалось, что она разваливается на кусочки от такой силы оргазма.

Как только ее волны утихли, он продолжил совершать быстрые, резкие толчки — один, два, три, потом выгнул спину, запрокинув шею назад, он зарычал, пульсируя внутри нее, изливаясь.

Он прижался к ней, наклонив голову в изгиб ее шеи. Она гладила его по волосам, пытаясь привести свое дыхание в порядок. Он держал свои руки у нее на бедрах, лениво проходясь языком по ее шее.

— Я готов скоро повторить, — прошептал он ей на ухо. — Но я хотел бы продолжить в постели.

Она тихо хихикнула, и ее смех заглушил звук шагов по коридору от лифта, а также

поскольку они были так поглощены друг другом, они не услышали, как открылась входная дверь в офис. Однако голос, раздавшийся в тишине был кристально чистым — голос Дерека Эмброуза:

— Что, мать твою, ты делаешь, Маркус?

Дерек орал на него тридцать минут, горло Маркуса тоже саднило от крика. Единственное, о чем он в состоянии был думать — вернуться к Рене, чтобы взглянуть как она. Дерек дал им время привести себя в порядок, прошествовал в свой кабинет, по дороге рыкнув Рене, сидеть на месте, а потом был готов стереть Маркуса в порошок. Как только закрыл дверь, вылил на Маркуса много дерьма и еще столько же.

— Она может выставить иск за сексуальное домогательство, и мы оба пойдем в суд. Я не могу поверить, что ты поступил так безответственно, причем именно сейчас. В мире нет такой женщины, из-за которой стоило бы так разрушать свою карьеру, Маркус. Господи, ради Христа.

Дерек отвернулся и засунул руки в карманы. По крайней мере, его кулаки были расслаблены. Маркусу казалось в течение первых минут их встречи, что Дерек собирался его ударить. Не важно, что он все время поддразнивал Дерека по поводу его возраста, Маркус отдавал себя отчет, что у его брата чертовски хороший удар.

Маркус заскрипел зубами, его терпение висело на волоске.

— Она не собирается подавать на нас в суд за сексуальные домогательства.

— И откуда ты это знаешь?

— Потому что все не так.

— Ты трахал ее в моей приемной. На что именно это похоже? — зарычал Дерек.

Маркус уже не мог себя контролировать, ему необходимо было повидаться с Рене. Он смотрел на своего брата, его лицо было красным, руки тряслись от выброса адреналина.

— Это не траханье, все не так. Разве ты не понимаешь? Она мне дорога. И она не какая-то девка для траханья, и я не хочу, чтобы ты говорил о ней в таком тоне.

Дерек резко засмеялся.

— О, пожалуйста. Ты оприходывал женщину на столе у меня в офисе, а сейчас тебя начинает заботить, как я о ней выражаюсь.

Маркус сорвался, ярость отразилась у него на лице, и через секунду он, пронесся через всю комнату, схватив Дерека за рубашку. Он встряхнул его, заметив шок, отразившийся на лице Дерека, притянул его ближе и прорычал:

— Все, что происходит между Рене и мной, где и когда, это не твое собачье дело.

Он снова попытался встряхнуть Дерека, но тот был уже подготовлен, он словно превратился в камень. Они стояли, сверля друг друга глазами, и Маркус услышал рокот, начинающийся где-то глубоко в груди Дерека.

— Убери от меня свои руки, или для тебя это кончится не очень хорошо, — предупредил его Дерек.

Слова Дерека прозвучали так быстро, словно пулеметная очередь.

— Хрен тебе, — выплюнул Маркус.

Последовал апперкот, которого Маркус никак не ожидал. У него не было маневренности, они оба были на взводе, но силы удара хватило, чтобы Маркус отлетел на стол, проехавшись по нему. Он попытался, как-то восстановить равновесие во время падения, но в результате смел со стола документы, ноутбук и какие-то другие предметы,

которым был увален рабочий стол Дерека. Раздался грохот падающих вещей, ругательства Маркуса во время падения.

— Что бл*ть с тобой происходит? — закричал он, поднимаясь. Он шагнул вперед с сжатыми кулаками, готовый отразить следующий удар, но Дерек смотрел поверх его плеча.

Гнев Дерека успокоился так же быстро, как и возник.

— О, черт... — прошептал Дерек.

Маркус тут же повернулся и заметил ускользящую Рене, которая стояла в дверях их кабинета, а теперь выбегала из офиса. Боль и ужас, отразившиеся у нее на лице, останутся в его памяти на долгое время.

— Черт! — прохрипел он, услышав с каким грохотом захлопнулась входная дверь в офис брата. Он снова посмотрел на Дерека.

— Иди, — сказал ему брат, в голосе звучало горечь и разочарование. — Останови ее.

И Маркус побежал.

Маркус проснулся от восторгающегося голоса Триш Андерс, лежа на диване. Он не глядя похлопал рукой по тумбочке в поисках пульта, сожалея о том дне, когда решил установить таймер на телевизоре, чтобы будил его каждое утро. Он никому не желал просыпаться под голос Триш в шесть утра.

Он выключил телевизор и перевернулся на спину, уставясь в потолок. Вид в течение последних двух недель был все тот же. Белый потолок, глядя в который, он полностью ощущал свою катастрофу в отношениях с Рене.

Снова и снова у него перед глазами появлялось выражение ее лица, боли и ужаса, когда она выбегала из офиса Дерек. Снова и снова он видел ее удаляющуюся фигуру по улице. Снова и снова он видел лицо ее матери, стоя у входной двери ее квартиры, умоляя позволить ему увидеть Рене.

— Простите, — говорила ему Элис, с сочувствием глядя на него. — Ей просто не до этого сейчас. Возможно, через несколько месяцев... когда все утрясется.

Он бросил подушку в стену и сбросил с себя одеяло, его телефон завибрировал.

— Что? — рявкнул он, как только сел и взглянул на экран.

— Приятно, что ты сегодня в хорошем настроении, — хмыкнул Дерек.

— Прости. Здравствуй. Чего ты хочешь?

Дерек опять хмыкнул.

— Вот так уже гораздо лучше. Возможно, мои новости тебя заставят почувствовать себя лучше. У нее есть работа, а также у нее есть медицинская страховка на этой работе.

Воздух выскочил из легких Маркуса от облегчения. Он посмотрел на дверь в свою спальню, пытаясь собраться с мыслями и переполнявшими его эмоциями.

Наконец, он произнес самое простое слово, которое вспомнил:

— Спасибо, — его голос был низким и грубым, но слово прозвучало искренне. — Где..., — он откашлялся. — Где она? Работает?

— В юридической фирме моего друга Тига. Его ассистентка ушла в декретный отпуск на шесть месяцев. Потом он подыщет ей что-нибудь у себя на фирме, так он сказал. У нее хорошая работа. Я обещал тебе, что позабочусь о ней, я так и сделал. Ее мама и Дэвид смогут продолжить лечение, в этом вопросе она полностью защищена. Вся ее семья сейчас защищена.

Впервые за две недели у Маркуса упала тяжесть с груди. Эта тяжесть в груди у него появилась после того, как на следующее утро Рене прислала на электронную почту Дерек заявление об уходе, это было как раз после драки, произошедшей в офисе между братьями, и эта тяжесть в груди так и оставалась с ним постоянно. Дерек умолял ее не уходить, но она чувствовала себя униженной и винила во всем себя. Он так и не смог ее уговорить вернуться. И тяжесть в груди у Маркуса от этого только увеличивалась. Теперь, конечно, приятно было узнать, что все как-то улаживалось. Теперь, хорошо бы боль тоже ушла, но похоже она поселилась с ним навеки.

— Я ценю это, — сказал Маркус брату. — И сожалею. Жаль, что я устроил такой бардак.

— Я знаю, — мягко ответил Дерек. — Теперь я понял, что ты без ума от нее, мне жаль, что так все закончилось.

Маркус пожал плечами, пытаясь сам себя убедить, что это совсем не самое кардинальное событие, способное изменить его жизнь, но интуиция говорила обратное.

— Жизнь продолжается, — он потер правой рукой грудь, где располагалось сердце.

— Да. Но, по крайней мере, тебе не нужно беспокоиться, хотя бы об этом. Не хочешь потренироваться в Sprag позднее сегодня?

— Возможно. Я позвоню тебе.

Повесив трубку, Маркус пошел в ванную и включил душ, чуть более горячий, он делал так каждый день, после расставания с Рене. Но сегодня, чувство сжатия оставило его грудь, и он подумал, что там есть место для чего-то еще. Нечто, похожее на надежду.

В течение двух недель, когда Рене ушла от мистера Эмброуза, она плакала. Много. Потом как утром она проснулась и поняла, что счета не перестанут приходить, ее брат хочет есть каждый день, а маме по-прежнему нужны лекарства. Поэтому она выбралась из постели, включила компьютер и зашла в электронную почту. Десятки писем. Практически каждый друг и партнер Дерек Эмброуза написал ей. Каждое письмо имело предложение о работе. Видимо, Дерек Эмброуз свыкся, что Рене больше не вернется к нему, но по-прежнему считал себя ответственным за ее дальнейшую жизнь.

Посоветовавшись с матерью, она пришла к выводу, что не стоит показывать свою гордость, отвергая все его предложения. Рене, действительно, была необходима работа, которая ее ждала, в прямом смысле слова. Она немного успокоилась, выбрав место ассистента на шесть месяцев в офисе Тига Робертса. По крайней мере, теперь у нее было время, и она могла подыскать себе другую работу.

Пока она сидела за стойкой регистрации в юридической фирме Тига и смотрела на толпу людей в костюмах на встрече в конференц-зале, который располагался как раз напротив ее места. Несмотря на то, что она приняла эту должность из-за сложившейся ситуации, она не могла врать самой себе, что работа с близким другом Дерек Эмброуз имело дополнительное преимущество. Хотя она старалась притворяться сама себе, но, на самом деле, она хотела использовать любой шанс, чтобы хоть что-то узнать о Маркусе. Она непроизвольно поймала себя на мысли, что все время наблюдает за Тигом в офисе, в надежде услышать его разговор с Дерек Эмброуз, или увидеть что-нибудь из его электронной переписки с Дерек Эмброуз, где он мог обмолвиться о своем младшем брате. Потому что именно через Дерек Эмброуз она познакомилась с Маркусом, и он был ближе всех к нему. На данный момент ближе, чем она. Она расстроено вздохнула и повернулась к экрану компьютера. Все было безнадежно. Она была безнадежна.

— Рене, — она подняла глаза, услышав голос, еще не видя лица, но уже чувствуя, что этот человек полностью разобьет ее маленький мир.

— Мистер Эмброуз, — она сглотнула... с трудом. — Приятно вас видеть.

Дерек улыбнулся по-доброму.

— Хорошо, я тоже рад тебя видеть. Тиг сказал, что ты согласилась на эту работу. Как тебе здесь работается?

— Мистер Робертс очень добр, — она опустила глаза на монитор, не зная, что еще сказать.

Он улыбнулся, прислонившись небрежно бедром к ее столу, хотя его лицо стало серьезным.

— Мне не хватает тебя у себя в офисе. Я очень сожалею обо всем, что произошло.

Она попыталась улыбнуться, но почувствовала, что вероятно не тот момент. Поэтому на лице отразилась скорее гримаса, чем улыбка.

— Нет, это я сожалею, мистер Эмброуз. Я вела себя совершенно непрофессионально, и что самое ужасное, встала между вами и вашим братом. Я никогда не смогу простить себя за это.

Он покачал головой.

— Нет, ты тут не причем. Мои проблемы с Маркусом — это мои с ним проблемы. Пожалуйста, не принимай их на свой счет. Я..., — он прочистил горло, явно не привыкший произносить такие слова. — Я был неправ. Я относился к нему, словно он до сих пор ребенок, а он давно уже вырос. Я недооценил его, поэтому пытался контролировать. Я сожалею, что ты стала свидетелем нашей ссоры.

Она молча кивнула, не зная, что и сказать.

— Он тоскует по тебе, — мягко сказал Дерек. — Я знаю, ты сказала, что не хочешь с ним разговаривать, но детка.., — Дерек встряхнулся, — *Маркус* страдает. Он несчастен, если бы он мог поговорить с тобой, думаю ему бы это очень помогло.

— Я не знаю, — ответила она, у нее горело лицо, она пыталась отодвинуть эмоции. — Не уверена, что смогу сделать то, что он просит... связаться. — Она посмотрела на своего бывшего босса, похожего на мужчину, честно говоря, в которого она влюбилась. — Не знаю, смогу ли я ему дать большее, чем во мне уже есть.

— Думаю, что ты способна на большее, чем думаешь, — сказал он с небольшой улыбкой. — По крайней мере, подумай об этом. Я никогда не видел его в таком состоянии. Вам нужно встретиться, чтобы разобраться во всем.

— Ладно, я подумаю об этом, — ответила она.

Он постучал костяшками пальцев по ее столу, усмехнулся и пошел через холл в конференц-зал.

Рене думала об этом. О Маркусе, о его прикосновениях, его словах, как он смотрел на нее. Она думала, с какой заботой он относился к ней и ее брату, когда тот восстанавливался после аварии, и как он был добр к ее семье. А потом она вспомнила его взгляд, когда в тот день выбегала из офиса Дерек. Взгляд, готовый сражаться, когда она стояла там, увидев драку между братьями.

Она думала об этом ночами, днями и неделями. Но все же она не могла заставить себя позвонить ему. Ее мать закончила сеансы химиотерапии, и сейчас даже возник разговор, что в январе она, возможно, сможет вернуться на работу, Дэвид догнал школьную программу, и начнет посещать школу тоже с января, последний семестр старшей школы. Он вел разговоры о поступлении в столичный колледж на фотожурналистику. Алекс пообещал дать ему рекомендацию. Да, ее младший брат встречался с Алексом (а, следовательно, и с Маркусом) почти каждую неделю. Каждый раз, когда он возвращался домой, проводя день с командой WNN, он говорил ей, что Маркус интересовался ею. Каждый раз она только улыбалась и кивала.

Она просмотрела вакансии в других местах, которые никак не были связаны с братьями Эмброуз, но они ей не приглянулись. Вместо этого она обосновалась в юридической фирме Тига. Это место идеально ей подходило для того, чтобы чувствовать себя ближе к Маркусу, так ей казалось. Она осталась на работе. Она с головой уходила в работу в моменты своей паники и страха, когда думала, что ее мама умирает или ее брат никогда не вернется к

прежней жизни, и за ними двумя ей придется ухаживать. Она жила в страхе, боясь что-то сделать лично для себя, а не для своей семьи, боясь, что ее мир рухнет. Она стала из всех сил, как можно дальше держаться от Маркуса, хотя он навечно поселился в глубине ее сердца, потому что она отчаянно хотела быть защищенной и передать свой контроль.

Однажды днем, незадолго до Рождества, Элис мимоходом заскочила в юридическую фирму.

— Ты уже сделала покупки? — поинтересовалась она, помахав перед ее лицом рождественским печеньем.

Рене убрала ее руку.

— Прекрати, ты же знаешь, что не разрешается есть за стойкой регистрации. Да, я уже кое-что купила, но еще не все.

— Ну, тебе стоит продолжить. Я жду от тебя подарок на Рождество.

Рене фыркнула.

— С чего ты решила, что я собираюсь тебе что-то подарить? — спросила она, приподняв бровь.

— Я твоя лучшая подруга и просто неотразимо очаровательна. А чтобы облегчить тебе задачу, я уже все выбрала.

Рене засмеялась, что даже закашлялась.

— Ты шутишь, да? Кто так делает? Выбирает себе подарок?

Элис фыркнула, сделав вид, что обиделась.

— Ты что издеваешься надо мной? Я приложила столько усилий, пока нашла для тебя идеальный подарок, а ты отказываешься купить мой?

— Ради Бога. Послушай, где находится этот идеальный подарок и что это такое?

Страдальческое выражение лица Элис сразу же изменилось на радостное. Она захлопала в ладоши и запрыгала на месте.

— О да! Ты готова? Ты просто потрясающа. Тебе нужно пойти к фонтану в центре города, рядом с бутиком Феррагамо.

— А что ты хочешь в бутике Феррагамо? Ты же знаешь, у меня не так много денег, чтобы купить тебе дорогой подарок, верно?

Элис загадочно улыбнулась ей.

— Я что сказала тебе пойти в *бутик* Феррагамо? Нет, я сказала пойти к фонтану, который находится напротив этого магазина.

Рене внимательнее посмотрела на свою лучшую подругу, словно та окончательно потеряла рассудок.

— Не понимаю. Что я тебе могу купить у фонтана? Воду из фонтана?

Элис рассмеялась.

— Пойди туда, сразу же как только закончишь работать. Ты поймешь, что я хочу тебе подарить, как только увидишь. Обещаю.

Рене вздохнула. Она планировала совершенно не так провести свое свободное время после работы, но Элис не просто так называлась ее лучшей подругой, она действительно ею и была, заработав себе это звание, и если Элис хотела получить какой-то странный подарок и подготовила для нее что-то таинственное у модного бутика Феррагамо, она получит его.

Два часа спустя после рабочего дня, Рене протискивалась сквозь толпу, пытающуюся в последнюю минуту купить недостающие подарки перед праздником. Центр города был

разукрашен крошечными белыми огоньками, на каждом углу стояла тележка с горячим шоколадом. Она остановилась, бросив горсть монет в банку для армии спасения и пошла к фонтану, где Элис велела ей найти ее подарок. Двигаясь по кругу, она ничего не заметила, кроме воды, ожидающих людей и праздничных огней. Наряженная новогодняя елка светилась в дальнем конце площади, рядом с ней не было никаких торговых киосков, только уличные актеры стояли вокруг, изображая какие-то сценки. *Что, черт побери, имела ввиду Элис?* Разочаровано подумала Рене, роясь в сумочке в поисках телефона, чтобы написать своей ненормальной подруге.

— Мне кажется или ты ищешь меня? — произнес глубокий, окутывающий голос, который она мгновенно узнала.

Она резко вскинула голову, замерла, увидев перед собой его глаза, о которых мечтала и видела во сне каждую ночь недели напролет.

Она сглотнула, ее сердце бешено заколотилось, медленная улыбка расползлась по его лицу. На нем была повседневная одежда — с длинными рукавами рубашка «хенли» и темные джинсы. Также на лице была щетина, двух дневная щетина, волосы были растрепаны и прохладный ветерок ласково их трепал. Он выглядел великолепно, она была в полном оцепенении.

— Привет, — сказал он, мило улыбаясь, и эта улыбка чуть не сбила ее с ног.

— Привет, — ответила она, низко и хрипло, почти шепотом. Она попыталась успокоиться и взять себя в руки, чтобы сказать хоть слово. — Что ты здесь делаешь?

Он протянул руку и взял ее, проводя большим пальцем по ее пальцам и посылая искры тепла.

— Я ищу тебя.

— Зачем?

— Ты знаешь зачем, — ответил он низким голосом.

Она покачала головой. Нет. Она не знала.

Толпа, звуки все куда-то отошло на второй план, слышались только его слова.

— Драка с моим братом — это не твоя вина.

Она нахмурилась, пытаясь понять, куда он клонит.

— Он сказал мне, что ты винила себя за это. Драка — не твоя вина. Дерек был мне как отец, и я вел себя с ним как ребенок. Я вел себя по-детски в тот день. Я должен был сказать ему, что собираюсь встречаться с тобой. Я должен был дать ему понять, что у него нет права контролировать нашу личную жизнь. Я не ребенок. Вместо этого я двинулся по другому пути, пытаясь тайком встречаться с тобой, но тебя это бы не устроило. Я был ослом.

Ее глаза щипало от слез, она отвернулась от его напряженного взгляда, слишком много было для нее. Он приподнял ее пальцем за подбородок и внимательно посмотрел на нее, пока она не перевела на него свой взгляд.

— Прости меня. Мне жаль, что я не поступил по-другому, и особенно жаль, что наши отношения стали угрожать твоей семье. Надеюсь, что ты не думала, что ни я, ни Дерек, мы бы никогда не позволили тебе уйти, не имея какой-то балласт. Мы бы никогда не позволили тебе уйти, не позаботясь о твоей семье. Может мы и идиоты, но мы знаем, что хорошо, а что плохо.

Рене проиграла свой бой со слезами, которые стали скатываться из ее глаз.

Маркус бросился к ней, прежде чем она рухнула бы на пол.

— Но несмотря на то, что я совершил так много ошибок, это не изменит мои чувства к

тебе. Рене, я без ума от тебя. Все, что я сказал тебе в тот день по-прежнему правда. Я никогда не чувствовал ничего подобного ни к кому, и мне ужасно без тебя плохо. С первого момента, когда я впервые увидел тебя, понял, что мой мир изменился. Ты заставляешь меня хотеть делать что-то такое, чего раньше я никогда не делал. Но мне хочется это делать, только для тебя.

Он взял ее за руку и повел к фонтану, усадив на край бортика у воды. Он обнял ее, смахивая ее слезы, которые медленно скатывались по ее щекам.

— Я люблю тебя, Рене Эриксон. Пожалуйста, будь моей?

Рене начала рыдать с такой силой, даже если бы она и захотела, то все равно не смогла бы остановить свои рыдания, они вырывались из глубины. Она и не хотела себя останавливать. Рыдания страха, стресса и одиночества вырывались из нее все разом, и она ощутила облегчение, когда выпустила их из себя. Она уткнулась лицом в сгиб шеи Маркуса, и позволила себе выплакаться.

— Детка, — прошептал Маркус. — Прости.

Она икнула и зарыдала еще сильнее, он гладил ее по волосам и обнимал за плечи, прижимая к себе. Выплакавшись, она наконец, перестала всхлипывать, отстранилась, и ей вдруг стало стыдно за свою выходку. Она даже не могла вообразить, как сейчас выглядит — тушь размазалась по всему лицу, нос покраснел и текут сопли.

— Прости, — заикаясь, произнесла она, судорожно вытирая лицо.

Маркус хмыкнул и поднял подол своей рубашки, чтобы вытереть ее лицо. Вытерев слезы, он взял в ладони ее лицо.

— Тебе не за что извиняться. Ты такая сильная и смелая. Я не хочу, чтобы тебе пришлось проходить все в одиночку. Позволь мне быть твоим парнем, обещаю, что все будет намного лучше. Мы будем делать все вместе. Ты и я.

Она сделала глубокий вдох, и впервые с тех пор, как узнала о болезни мамы, она выдохнула с облегчением. Действительно, по-настоящему, выдохнула, почувствовав настоящее облегчение.

— Рене? — позвал Маркус, с беспокойством наблюдая за ней.

Она слегка улыбнулась.

— Я в порядке, — ответила она. И кивнула сама себе, как бы подтверждая свои слова. Она действительно, была в порядке. Все было хорошо. С ее мамой все будет хорошо, с Дэвидом тоже все будет хорошо, и с ней и Маркусом тоже все будет в порядке.

— С нами все будет хорошо, — сказала она, поглаживая его колючую щеку. — Мы любим друг друга и у нас все будет хорошо.

Глаза Маркуса заблестели, и он улыбнулся самой огромной улыбкой, которую она впервые увидела у него.

— Повтори, еще раз, — прошептал он.

— Мы любим друг друга.

Его губы опустились на ее, не раздумывая. Она тут же открылась ему, и он поцеловал ее глубоко и жестко. Его дыхание стало прерывистым, так же и у нее.

Она немного отстранилась, чтобы получше его рассмотреть.

— Господи, как я по тебе скучал, — произнес он, поглаживая ее губы большим пальцем.

— Я тоже так скучала, — она нежно поцеловала его. — Разве Элис тебе не сказала, что заставила меня прийти сегодня сюда?

— Виноват, — сказал он, все еще ухмыляясь.

— Мне придется серьезно поговорить с ней об этом.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Конечно, чтобы только поблагодарить ее, — она рассмеялась.

— Я могу отвезти тебя домой? — спросил он.

— Только если отвезешь меня к себе домой, — ответила она.

— Это я тебе гарантирую, — заворчал он, подхватывая ее и перебрасывая через плечо, проорав во все горло, двигаясь вперед через толпу:

— Отлично. Мы влюблены!

Ей пришла смс-ка, когда она выходила со своей последней лекции.

Маркус: Иди в центр города. Я буду ждать тебя у бутика Феррагамо.

Рене: Тебе совсем не стоит мне делать подарки.

Маркус: Просто принеси свою милую задницу туда. Увидимся через тридцать минут.

Рене усмехнулась про себя и поспешила к метро на встречу со своим бойфрендом. Прошел год, когда они официально начали встречаться, и ей нравилась каждая минута, даже несмотря на некоторые сложности. Потому что все сложности они проходили вместе, что еще раз доказывало — у них все нормально, она была в порядке, и в ее жизни все было хорошо.

И, на самом деле, все было даже намного лучше, чем хорошо. У мамы наступила ремиссия, и она вернулась к преподаванию в школе. Она начала встречаться с кем-то, пока растила Рене и Дэвида, ей было не до этого. Она очень хорошо выглядела и жила полной жизнью. Дэвид полностью восстановился после травмы и уже отучился половину года в колледже. Он показывал солидный результат — 3.5 средний балл и у него даже появилась девушка. Он жил в общежитии, и Рене так гордилась его успехами.

Она вышла из метро, направляясь к эскалатору, поднимающемуся вверх, вспоминая, как ей нравилось прибегать к Дэвиду в кампус. Осенью она вернулась в институт, и сейчас уже почти заканчивала обучение со степенью бакалавра. Маркус попросил ее переехать к нему в День Святого Валентина. Она предложила подождать до лета, чтобы окончательно удостовериться, что у мамы все хорошо со здоровьем, они жили вместе уже шесть месяцев, и это было лучшим решением, которое она когда-либо принимала.

Она обходила толпы людей, спешащих по магазинам, наслаждаясь праздничной атмосферой. В Вашингтоне было прохладно этой зимой, в стоках на улицах можно было увидеть остатки снега. Подойдя к фонтану у бутика Феррагамо, она обошла его по кругу, выискивая Маркуса.

Тут же выступал праздничный хор на небольшой сцене, пока она ходила кругами вокруг фонтана, музыка вдруг резко оборвалась.

— Дамы и господа, могу ли я привлечь ваше внимание? — сказал руководитель хора в микрофон. Толпа постепенно затихла, люди стали с любопытством поглядывать по сторонам.

— Мы сделаем небольшой перерыв, но у нас имеется особенный гость. Думаю, что большинство из вас знают его, он вызвал большой резонанс на канале новостей, разоблачив закулисные игры нашей политической власти.

Рене передвинулась поближе к сцене, насколько позволяла собравшаяся толпа. Она продвинулась уже в передние ряды, когда микрофон взял Маркус. Он не сообщил ей, что будет вести какое-то мероприятие сегодня, но она всегда наслаждалась всем, что было связано с WNN, особенно, если дело касалось него. Он часто выступал на митингах и концертах по всему округу Колумбия, своей внешностью и обаянием завоевывая тысячи новых зрителей для канала.

— Привет, я Маркус Эмброс из WNN, — все захлопали, а несколько женщин закричали: «Мы любим тебя, Маркус!»

Рене улыбнулась и покачала головой. Ей стоит привыкнуть делить своего парня с его

поклонниками — обожаящие его, по крайней мере, публично.

— Спасибо, — ответил Маркус, улыбаясь. — Я не отниму у вас много времени, но сегодня я хочу сделать кое-что особенное. — Он остановился и оглядел толпу, наконец, его глаза встретились с Рене. — Вот, — сказал он, глядя прямо ей в глаза. — Детка, ты можешь подняться ко мне сюда на минутку?

Рене почувствовала, как она начала краснеть и оглянулась по сторонам, как будто он мог адресовать свои слова кому-то другому.

Маркус рассмеялся на ее реакцию, стоя на сцене.

— Милая, я имею ввиду тебя.

Она прижала руку ко рту, хихикнув от смущения. Она поднялась на сцену, Маркус ей помог. Она стояла и смотрела на него, боясь взглянуть на море людей, которые внимательно изучали ее саму и каждое ее движение.

Маркус взял микрофон, в одну руку, а другой — взял ее за руку.

— Это моя девушка, Рене, — сказал он толпе, которая возликовала, раздался свист. — Ровно год назад, прямо здесь, она согласилась быть моей девушкой, и это был лучший день в моей жизни. Но я надеюсь, что сегодня станет моим вторым лучшим днем в жизни, потому что у меня есть особенный подарок в нашу первую годовщину.

Маркус опустил на одно колено, Рене ахнула, толпа опять начала свистеть и кричать. Он вытащил из кармана маленькую бархатную коробочку и поднял на Рене глаза. Его глаза горели любовью и надеждой, а также обещанием, о котором она всегда мечтала, она поняла, что этот день запомнится ей навсегда.

— Детка, я люблю тебя, всю тебя, и я хочу провести остаток своей жизни, доказывая тебе свою любовь. Ты выйдешь за меня?

Рене взяла коробочку из его рук и упала перед ним на колени.

— Да, да, да, — она заплакала, обвив его руками за шею и целуя его снова и снова. Толпа безумствовала, Маркус положил микрофон на пол, и рождественский хор снова начал петь.

Маркус оторвался от поцелуев Рене, он улыбался, пробегая пальцами по ее щекам и вытирая непослушные слезы.

— Ты уверена? — тихо спросил он.

— Полностью, — прошептала она, улыбаясь.

Он открыл коробочку и показал красивый винтажный бриллиант в кольце с изумрудами.

— Оно такое совершенное, — с трепетом в голосе произнесла Рене.

— Даже и в половину не так совершенно, как ты, — ответил он, одевая ей кольцо на палец.

Они целовались под звуки Белого Рождества, шел снег, и Рене знала, ни капли не сомневаясь, что они были гораздо больше, чем совершенны. Они были идеальны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

международное агентство новостей

так же the Mall, отрезок музейно-парковой зоны в центре г. Вашингтона между Капитолием и мемориалом Линкольна

Филли — шутовое название города Филадельфии